

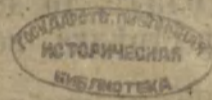
НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

25 Декабря.

№№ 18 и 19.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. ПѢСНИ СМУТНАГО
ВРЕМЕНИ.
СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. ЕСТЬ ОКТЯБРЬСКІЕ ДНИ.
АНАСТАСІЯ КРАНДІЕВСКАЯ. КЪШМАРЪ
НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ. МІРЪ БУРЖУАЗНЫЙ
И МІРЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ.
ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ЧЕСТНЫЙ БОЛЬШЕВИКЪ.

ПРОФ. М. Н. СОБОЛЕВЪ. ДЕРГАЛЬВАЦІЯ.
ПРОФ. Б. В. ЧРЕДИНЪ. ЕЛАСТЕЛИНЪ ПО ВО-
ЛѢ ГРЕТСІАНЦЕВЪ
АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. ВСЕОБЩЕЕ ВОЗСТАНИЕ.
БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. НОВЫЙ ГОДЪ
А. АНДРЕЕВА. ФРАНЦУЗСКІЙ СОЛДАТЪ ВЪ
НЫНѢШНЮЮ ВОЙНУ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—40 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДІМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЪЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОГНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢЕ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 3-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 4
Тел. 3-97-14; 61-03 и 4-27-29.

ПѢСНИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

I.

Со свѣчкой въ подвалѣ
Сижу я на стражѣ
Притихшаго дома...
Тревога, истома...
То ближе, то далѣ—
Перестрѣлка, все та же...

Что-то злобное ухнетъ,—
И костяшками пальцевъ
Вновь стучатся скелеты,
Подъ крестомъ не пригрѣты;
Воютъ: «Русь твоя рухнетъ!»—
Сонмы лютыхъ скитальцевъ:

«Посажена въ тѣсный
Застѣнокъ сынами
И ждетъ приговора—
Палача и позора»...
Сжался, Душе небесный,
Очиститель, надъ нами...

Христофоръ—Богоносецъ *)
И отверженецъ Каинъ,—
Какъ срослись эти двое
Въ обличье родное?—
Лютовзоръ—Богоносецъ,
Рая бѣженецъ—Каинъ?..

II.

Можетъ быть, это смутное время
Очищаетъ распутное племя;
Можетъ быть, эти лютые дни—
Человѣчнѣй предъ Богомъ опи,
Чѣмъ былое съ его благочинной
И нечестья, и злобы личиной.

Если ярость одержитъ сердца
И не видишь Христова лица
Въ человѣкѣ за мглой Вельзевула,—
Не весна ли въ подполья пахнула?
Не Судьи ль разомкнула труба
Замурованныхъ душъ погреба?..

Землю саваномъ крыли сугробы;
Красовались, поваплены, гробы;
Растопилась снѣговъ бѣлизна,
И размыла погосты весна:
И всплываетъ,— не въ омурахъ ада ль?—
Въ половодѣ стремительномъ падаль,

III.

Снится мнѣ притонъ игорный;
На столѣ—не злата слитки,
А головъ кровавыхъ груды.
Бѣсы вокругъ стола; ихъ черный
Казначей—съ казной Іуды.

Свѣтлый гость, игрокъ задорный,
Разоряется до нитки;
Ставка чести погибаетъ.
Проигрышъ крупье проворный—
Смерть—лопаткою сгребаетъ.

*) Св. Христофоръ (Богоносецъ) былъ, по легендѣ, выходцемъ изъ страны Песыихъ Головъ (Кинокефаловъ). Потому онъ же и Лютовзоръ.

IV.

Стяжательность — не въ хищности слѣпой, И въ лицахъ жертвъ бѣсовской этой
 Но въ жадности и зоркой, и ревливой. свадьбы,
 Идетъ окрестъ грабежъ нетерпѣливый; Внезапныхъ пищихъ, тихія усадьбы
 А мнѣ въ глаза не мечется скупой Утратившихъ и прадедовскій садъ,—
 Съ дрожащею и цѣпкою рукой Читаю хладъ забвенья равнодушный,
 И съ бровію грозящей и пугливой. Высокое спокойствіе утратъ—
 Насъ водить бѣсъ злорадно-похотливый, И родиной горжусь великодушной.
 Но слаще намъ поджога хмель тупой.

Вячеславъ Ивановъ.

ВЪ ОКТЯБРЬСКІЕ ДНИ.

Памяти барона А. А. Врангеля.

I.

Никто не думалъ, не гадалъ,
 Что твой пришелъ чередъ,
 Что набѣжитъ девятый валъ
 И челнъ твой разобьетъ.
 Но это—правда, а не сонъ:
 Въ высокихъ сапогахъ,
 Въ дорожной курткѣ, принесенъ
 Твой неподвижный прахъ.

Затылокъ твой пробить свинцомъ,
 Бѣлѣе снѣга ротъ,
 Но, какъ подъ свадебнымъ вѣнцомъ,
 Лицо сіянье льетъ.

Усни, мой братъ, успи, герой,
 Новернуть къ пебу руль.
 И встрѣченъ ангельской игрой,
 Кто палъ подъ свистомъ пуль.

II.

Бѣлый голубь летѣлъ къ лучезарной, сверкающей цѣли.
 Вокругъ него ужъ давно
 Кровь струилась потокомъ, а пули визжали и пѣли,
 Но ему все равно.

Высоко онъ парилъ, напрягая лучистыя крылья
 И бѣлѣя, какъ снѣгъ,
 И безъ стона упалъ и, обрызганный кровью и пылью,
 Приумолкнулъ навѣкъ.

А кругомъ грохотала безумная дикая злоба,
 И никто не слышалъ,
 Какъ весь день и всю ночь у чьего-то весенняго гроба
 Бѣлый ангелъ вздыхалъ.

Сергій Соловьевъ.

КОШМАРЪ.

Статья Анастасии Крандиевской.

I.

Къ вечеру четвертаго дня я вдругъ почувствовала, что силамъ моимъ пришелъ конецъ, что терпѣние мое истощилось, «испустило», и что я уже больше не могу... Что именно не могу—было неясно. Ибо ничего же рѣшительно кругомъ не измѣнилось, все та же продолжалась кровавая чертовщина, тотъ же хаосъ и бессмыслица злодѣянія и преступленія, но я сама словно сбросила съ себя что то, и... не то что успокоилась, а какъ бы одеревенила...

Мыслей у меня никакихъ не было. Мозгъ охватила пьяненькая какая-то лѣнь, пустынькая и въ родѣ какъ безмятежная. По прежнему за стѣнами и справа, и слева, со стороны Кудрина и со стороны Арбата бухали и грохотали. И по прежнему буханье и грохотанье казалось адски-дисобразнымъ. Но однообразіе уже не угнетало до жажды смерти, какъ было раньше, а странно какъ-то баюкало и усыпляло. Сквозь дослу безумной усталости я все же чувствовала приступы какого-то смѣха, шекотку хохота, который, однако, сдерживала. Да кромѣ того еще и стишокъ заигрывалъ меня, глупенькій стишокъ, выскокивший вдругъ изъ потемокъ памяти моей и вцѣпившійся въ мозгъ неотрывно.

Спокойно отбивалъ въ мозгу моемъ стишокъ свой ритмъ, и эта музыка въ видѣ экзотическаго меллопливала съ трескотнею пулеметовъ, съ баханьемъ ружей, съ грохотомъ пушекъ.

«Турлы, курлы, мурлы, виль,
«Мой миленьшъ большъ еликъ,
«Турлы, курлы, еичка,
«А я большъевичка»....

Стишокъ, какъ сами видите, идиотскій и похабный. Гнусная его музыка, ритмическое прыганіе пошлыхъ его словечекъ, вливаясь въ музыку братсубійства, являлся какъ бы лейтмотивомъ адскаго концерта. И это зану мало и развлѣкало...

Странно, что я даже и въ тѣ полубезсознательныя минуты, стишокъ и принимала и чувствовала, какъ бредъ. Странно, что вообще я состояла въ свсе глубокой нервной надорванности чувствовала, какъ истерію, какъ невмѣняемость. И однако относительно стишка тогда же рассудила смысломъ нормальнымъ образомъ, рѣшивъ, что стишокъ, во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ бредъ, что это—символь, что это—прялое указаніе на то *главное* что меня окружало, что, терзая всѣхъ и мучая, требовалъ отъ меня полного осознанія его, задавалъ мнѣ загадку, какую я должна была разрѣшить. Но какъ же бы я въ тѣ дни и часы несусвѣтныхъ ужасовъ наши загадку разрѣшила? Не только я, никто ничего не понималъ въ кровавой чертовщинѣ, чудовищнымъ кошмаромъ навалившимся на насъ. А вотъ стишокъ-то это все и объяснялъ. «Турлы, курлы» все отгадывало и ставило всѣ вещи по своимъ мѣстамъ...

Удивляло меня и то, что стишокъ припомнился неожиданно и въ родѣ какъ чудесно. Прочла я объ этой

гадости въ какой то газетѣ еще лѣтомъ. Кто то сообщалъ о какихъ-то тамъ «современныхъ частушкахъ», которыя будто бы распѣваетъ наша «святая Русь». Ложь, ложь, конечно! Клевета на святую Русь! Частушка была длинная, куплетцевъ въ ней было много, всѣ они въ томъ же похабномъ духѣ рассказывали о какихъ-то тамъ большевистскихъ и охлократическихъ побѣдахъ надъ «буржуями» и еще надъ кѣмъ-то и чѣмъ-то. Глотнувъ мерзости, я сплюнула и забыла. Навсегда забыла. Потому что, помню, вечеромъ того же дня, когда, рассказывая о частушкѣ со смѣхомъ кому то изъ свсихъ, я хотѣла вспомнить хоть одинъ куплетъ, и не могла. И вдругъ въ ноябрѣ вспомнила. Подъ разстрѣлы десмовъ нашихъ храмовъ, святыхъ Кремля и памятникъ старины, идиотскую похабшину вспомнила. И тогда же рѣшила, что это *не даромъ*, что это показательно и символично въ высшей степени...

II.

Ну, послушайте... ну, развѣ же не поражала васъ мысль, что надъ всѣмъ происходящимъ въ эти дни господствуетъ какая-то исключительная, ни на что въ мирѣ непохожая гнусность, подлость и пошлость какой-то уже нечеловѣчески-низкой пробы?

Развѣ эта мысль не бросалась вамъ въ смятенную душу и развѣ вы не боролись съ ней, не выталкивали ее изъ себя, какъ ошибочную и невѣрную, «пристрастную», а между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ единственно вѣрную и безпристрастную, единственно для васъ нужную и даже васъ единственно и удовлетворяющую, если вообще-то можетъ быть тутъ рѣчь о какомъ бы то ни было удовлетвореніи...

Надъ нами колдуетъ черное зло. Крутить и кружить насъ въ своемъ водоворотѣ. И развѣ не цинизмъ нездѣланный, апокалипсическій превалируетъ надъ всѣмъ въ этсмъ навожденіи, все собою и зачинаетъ, и завершаетъ? Развѣ не похабщина послѣдней низи челоуѣческой затмеваетъ собою все въ проклятомъ дѣйствѣ, главные актеры коего есть выходцы изъ преисподней?...

Кровавъ... смерть... горы труповъ... моря и рѣки слезъ... гибель, разрушеніе городовъ... цѣлой страны... всего народа...—все это, конечно, градиозно и страшно. Неопиcуемо больно, невыразимо тяжело. Но это же все, какъ и у другихъ. Не у насъ только, но и у всѣхъ. И общность-то всего этого какъ бы смягчаетъ нашъ ужасъ и нашу скорбь. Какъ бы миритъ насъ съ собою и даже что-то общаетъ. Мы видимъ во всемъ этомъ карающую десницу Господа, воздаяніе намъ отъ Него за грѣхи наши давнишніе и тяжкіе. И что-то святое и молитвенное, молящееся Богу въ кровавыхъ слезахъ, утѣшаетъ насъ, сиротъ и рабовъ несчастныхъ. И вовсе не ужасы наши и мученія составляютъ отличительную черту нашего момента, нашей драмы. Не они выдѣляютъ насъ изъ сонма намъ подобныхъ, а нѣчто другое, изъ за чего, если Россія исчезнетъ, какъ нація, то не только союзники наши, которымъ измѣнили мы такъ по-

хабно, такъ низко, но даже и нѣмцы, которымъ мы «услугаемъ», сочтутъ смерть нашу не за смерть, а за издыханіе. «Издыхни, пропади-пропадомъ!» Вотъ что скажутъ намъ всѣ народы міра. И будутъ правы. Ибо есть предѣлы и для растяжимой морали человѣческой, есть грани, перейдя за которыя, низость людская становится уже внѣ оцѣнокъ людскихъ и внѣ сферы оправданій... Но, авось, Богъ милостивъ, не пропадетъ Россія, не издохнетъ столь презрѣннымъ образомъ!... И однако, наличность презрѣнія, хоть и не полного, частичнаго, въ видѣ хотя бы только «сожалѣнія», страшно оскорбительнаго для насъ, все-таки имѣется у народовъ міра по отношенію къ Россіи нашихъ дней. И на чемъ же, на чемъ покоится эта наличность, какъ не на господствѣ надъ всею нашей драмой какого-то *проклятія и отвращенія, смѣси безпримѣрнаго въ мірѣ idiotизма съ безпримѣрною подлостью...*

Вѣдь народы міра знаютъ, что такое охлократія и что такое революція. Все сами испытали, все огнемъ и кровью навѣки отпечатано въ ихъ умахъ и сердцахъ. И, значитъ, не ихъ удивлять русской охлократіей и русской революціей. И однако, вотъ же безусловно всѣ удивлены и поражены, безумно недоумѣваютъ и вопрошаютъ... все вопрошаютъ—да что же такое сотворилось съ народомъ русскимъ, что онъ такъ *упалъ*?

Охлократія, съ ея низостью и звѣрствомъ, равно какъ и «углубленная» революція—это казнь египетская, одинаковая для всѣхъ народовъ. Революція тогда только добро и благо, когда она мгновенный взрывъ, когда она переворотъ, свершонный разомъ, какъ разомъ прорывается гной въ нарывѣ, который созрѣлъ. Революція—это чирей, «вередъ», какъ выражается простонародье. И нудитъ, дергаетъ и мучитъ до смерти, пока гной внутри. И разомъ же чирей дѣлается «пользою», вередъ—«добромъ», какъ только гной брызнулъ изъ нарыва. Но тутъ и все. Тѣмъ только добро чирья и ограничивается. Не дальше. «Вередъ» свое дѣло сдѣлалъ и долженъ исчезнуть. Но если гной, который надлежитъ промывать корболовкой и удалить, вмѣсто этого употребленъ на какія-то другія «цѣли»; но если начать гной бережно скапливать и размазывать его по другимъ мѣстамъ тѣла; если пустить въ ходъ ногти и покрыть царапинами все тѣло, да помазать тѣло гноемъ, чтобы вызвать новые чирья и «вереды»,—то это безуміе, сумасшествіе и будетъ «углубленной» и расширенной революціей, которую знаютъ всѣ народы міра... Это явленіе естественное среди людского стада, какъ естественно средь него преобладаніе глупости и дальновидности надъ умомъ и прозорливостью. По всему же міру люди прозрѣній и предвидѣній пророческихъ составляютъ единичное исключеніе, во всякомъ случаѣ маленькія группки, крохотные оазисы въ пустынѣ душевной бездарности и духовной слѣпоты. Не даромъ Ибсенъ устами доктора Штокмана сказалъ, что истина, рожденная жизнью, составляетъ достояніе *меньшинства*. Если же она дѣлается достояніемъ большинства, то только тогда, когда уже изнашивается, старѣетъ, когда превращается въ «истину» въ ковычкахъ. И вотъ такія-то «истины» въ ковычкахъ швыряются «углубленными» революціями темнымъ толпамъ народнымъ, возглавляемымъ вожаками, тоже изъ толпъ интеллигентскихъ, то-есть изъ большинства, то-есть изъ тѣхъ, которымъ до-

ступна «истина» только старѣющая, только утрачившая свой живой и животворящій смыслъ. И отсюда-то всякая буквально революція естественнымъ ходомъ вещей вызываетъ «контръ-революцію», этотъ протестъ не только противъ правды революціи, но и не рѣдко и противъ лжи ея, противъ «истины», брошенной толпамъ народнымъ, большинству, какъ обглоданная кость...

Свѣтопреставленіе углубленныхъ революцій есть лютая борьба невозможнаго въ жизни съ возможнымъ, это у всѣхъ одинаково. И, значитъ,—въ этомъ смыслѣ одинаковая у насъ съ другими народами и драма, и боль, и ошибки, заблужденія.

Но вотъ что уже специально наше, теперешнее, вотъ что отмѣнное и характерное для нашего момента,—это превалирующее надъ всѣмъ разумнымъ и честнымъ безуміе и безстыдство, выдвинутое изъ самыхъ низовъ народныхъ и изъ самыхъ низовъ интеллигентскихъ, идеально между собою слитое, согласованное и какъ нѣкая «сила» и «правда» восторжествовавшее надъ всѣмъ. Гдѣ и когда у какихъ народовъ полный контактъ низи охлократической и низи интеллигентской въѣзжалъ въ народъ, во всю страну, въ цѣлую націю съ такимъ побѣднымъ торжествомъ, съ державными атрибутами несокрушимаго могущества и величія? Какъ могла послѣдняя моральная грязь воцариться и въ верхахъ народныхъ и въ низахъ въ такомъ содружествѣ, въ единеніи? И какъ же это могло случиться именно у русскихъ, такихъ отъ природы чуткихъ къ добру и правдѣ, такихъ неглупыхъ и даровитыхъ?.. Вѣдь русской же народъ въ массѣ, при всемъ своемъ невѣжествѣ—все-таки народъ-мудрецъ, народъ-философъ, народъ-правдоискатель и богоносецъ. И русская интеллигенція, давшая міру Достоевскаго, этого непревзойденнаго ни однимъ народомъ, ни одной эпохой, пророка, провидца, мудреца и гения изъ геніевъ,—не могла же она разомъ столь оглупѣть, столь ополѣть, оподлѣть и снизиться до преступности самой исключительной и грязной...

Ясное дѣло—ни народъ, ни его представитель—интеллигенція русская, не повинны въ томъ *исключительномъ*, чѣмъ характеризуется зло нашей революціи. Если и виновны они, то только въ томъ, въ чемъ виновны и другіе народы. Исключительность же глупости и похабщины есть просто бредъ и кошмаръ, есть болѣзнь, испытаніе Господнее, данное намъ въ лицѣ *ничтожнѣйшей кучки людей* брошенныхъ въ русскую жизнь дьяволомъ, какъ ядовитый микробъ, съ цѣлью заразить всю страну. Цѣль достигнута, зараза разлилась широко и вольно. Но это *только болѣзнь, только временное* и характерное только для даннаго момента, но не дальше...

Вѣдь бываютъ же моменты въ жизни отдѣльныхъ людей, какъ и въ жизни народовъ, когда кажется, что лицо Господа отвернулось отъ человѣка навсегда и печать дьявола легла на все и на всѣхъ навсегда. Но это только кажется... Россія снова узритъ лицо Господнее... Россія не умретъ!.. Русскій народъ возродится и воскреснетъ!.. Въ это такъ же вѣрю, какъ и въ то, что русскій народъ по природѣ своей не преступникъ и не дуракъ, но что большевизмъ и «соціализмъ» на землѣ русской въ эти дни есть *безуміе и преступленіе, которое само себя и пожретъ...*

Несомнѣнно—смѣшно и нелѣпо приписывать все большевикамъ и квази-соціалистамъ. Да никто вѣдь

изъ людей хоть сколько нибудь размышляющихъ о происходящемъ болѣе или менѣе не поверхностно, и не приписываетъ грандіознаго народнаго движенія, дающагося Богомъ людямъ въ столѣтіе разъ-два, только какимъ-то тамъ социалистамъ да нигилистамъ. Ничего подобнаго! Причины происходящаго такъ же глубоки, велики и необъятны въ своей загадочной сложности и непостижимой таинственности, гдѣ переплелось и объяснимое и необъяснимое въ тѣсный и путанный клубокъ, какъ велика и сложна сама жизнь. Но я опять же не о томъ, я о «налетѣ», о характерномъ въ самой даже характерности нашей современности русской, я объ одной только чертѣ, но зато столь яркой и бросающейся въ глаза всѣмъ и каждому и словно бы *превалирующей надъ всѣмъ*. Я опять же о пошлости и глупости провинциализма русскаго тѣсно слитаго съ русскою «культурною», съ русскою «образованностью». И это вовсе не такъ сложно. Это объяснимо въ двухъ строкахъ. «Самобытность» этого, правда, прошла нѣкоторый «процессъ», имѣетъ свою исторію и свое воспитаніе. Природа этой «самобытности» тоже не лишена интереса и даже мѣстами жгучаго. Но... все таки это очень простенькая «самобытность», какъ простовата, простехонька самобытность лакея, вышедшаго въ баринны.

Что-то глубоко захолустное что-то отъ Царевококшайска, Шполы, Пинска и другихъ уѣздовъ и «мѣстечекъ», лишенное природной острой даровитости и широты души, способныхъ противопоставить собственную свою силу силѣ внѣшней, ее разлагающей; что-то наше, русское, вырванное насильственно изъ родной своей почвы и брошенное куда-то тамъ къ чертямъ, въ какіе-то тамъ «заграницы», на мученіе и голодъ, на униженіе и одиночество средь нѣмцевъ, французовъ, швейцарцевъ, итальянцевъ, налипшее на чужую эту культуру и цивилизацию, какъ короста на тѣло, какъ прыщи и бородавки или какъ ржа и пятна плѣсени на вещахъ. Что то неизжившее долга въ себѣ царевококшайщины, но и невоспріявшее, вслѣдствіе душевной и умственной срединности, *самыхъ существенныхъ цѣнностей* культуры иноземной, самой души ея, души, нужной для правды и справедливости всѣхъ живущихъ въ мірѣ, а лишь схвативши въ культурѣ самое поверхностное и ненужное для нея, именно для царевококшайщины, и тѣмъ самымъ царевококшайщину только изуродовавшее до неузнаваемости,—это «что-то» это нелѣпое

«турлы-курлы-викъ» вдругъ ворвалось въ русскую жизнь вихревымъ взметомъ, «ураганомъ» и натворило въ ней бѣдъ. Главное ворвалось въ дни, когда, взрываетъ революціоннымъ взрывомъ, земля русская, жадно раскрыла дѣвственную свою свѣжесть, цѣлину, непочатость черноземную, готовую схватить и взростить все рѣшительно, что только не брось въ нее... Ибо жадность скоплена годами и жадность, въ основѣ которой столько же здоровыхъ, чистыхъ, свѣжихъ соковъ, столько же перегноя, сколько и гноя, броженія тлѣнія земли, ея «заразы» разложенія... И вотъ тутъ-то діаволь и сыгралъ свою шутку. Первыми и самыми «энергичными» сѣятелями съ зернами самыми подозрительными, способными взрости больше на гноѣ и тлѣніи земли, чѣмъ на ея здоровѣи и свѣжести, явились именно эти налетѣвшіе на Россію ураганомъ. И это было хоть и дико, нелѣпо, ни на что непохоже, но это было именно такъ. Русскіе квази-социалисты своимъ несокрушимымъ напоромъ, «энергіей», рѣшительно ничего общаго не имѣющей ни съ какимъ «подпольемъ» (насчетъ «подполья» должно быть особое, подробное и основательное разъясненіе, такъ какъ слово «подполье», брошенное въ обращеніе среди интеллигенціи впервые Достоевскимъ,—естъ сложнѣйшее и трагичнѣйшее душевное состояніе, которое ничего не имѣетъ общаго съ примитивностью и простоватостью эмигрантскаго царевококшайства) «сѣятелями» въ родѣ какъ бы ошеломили подлинныхъ интеллигентовъ русскихъ, людей подлиннаго и таланта, и знанія, и любви къ родинѣ, людей настоящей культурности и образованности. Будетъ много писаться и говориться въ недалекомъ будущемъ—какъ и почему случилось то, что «отодвинулись къ сторонкѣ» люди таланта, знанія, чести и совѣсти и дали мѣсто бездарности, безчестью и безсовѣстности. Не объ томъ сейчасъ рѣчь, а лишь о томъ, кто же именно далъ «налетѣ», столь характерный и «оригинальный», столь чуждый хоть и безграмотной, но вовсе не безумной Россіи, а такъ же чуждый и всему міру?

Да они же, они и только они одни! Царевококшайцы изъ Циммервальда и Кенталя. «Турлы-курлы-мурлы-викъ»—это же и есть воляпюкъ единственный въ мірѣ и ни на что непохожий...

Но какъ ни велика сила чертовщины, сила гнуснѣйшей заразы,—Россіи ей не сгубить до смерти, не сгноить... Этого не будетъ...!

А. Крандѣевская.

МІРЪ „БУРЖУАЗНЫЙ“ И МІРЪ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКІЙ“.

Статья Николая Бердяева.

«Останутся пять ненасытныхъ чувствъ, и шестое насытное чувство — тщеславіе; останется вся д е м о н и ч е с к а я природа человѣка. Дикая сама по себѣ, она будетъ неистовствовать безъ узды и закона».

Карлейль. «Французская революція».

I.

Русскій народъ явилъ собой небывшее еще въ мірѣ распадѣніе на мірѣ «буржуазный» и мірѣ «соціалистическій». Единство человѣческаго рода, какъ рода

Божьяго, имѣющаго общее происхожденіе, нынѣ окончательно въ Россіи разрушено. Русское человѣчество распалось на двѣ враждебныя расы. Человѣкъ «буржуазный» и человѣкъ «соціалистическій» объявлены другъ для друга волками. *Идея класса убила въ Россіи идею человѣка*. Русскіе люди перестали подходить другъ къ другу, какъ человѣкъ къ человѣку. Идеологи міра «соціалистическаго», его пророки и апостолы, хотяютъ увѣрить, что въ этомъ распадѣ человѣчества, въ этомъ разрывѣ всякой преемственности и всякаго единства рождается новый міръ, новый человѣкъ. Старый міръ, старый человѣкъ долженъ погибнуть.

Въ пожарѣ русской социалистической революции, которая должна превратиться въ революцію всемірную, сгоритъ старый «буржуазный» міръ и на пепелищѣ его создастся новый «социалистическій» міръ. Русскіе большевики, насколько можно серьезно о нихъ говорить, и есть та новая раса, которая отрицаетъ всякую связь и всякую преемственность между этими двумя мірами, которая хочетъ истребить до тла все старое, всякое наслѣдіе прошлаго. Въ этомъ родственны они футуристамъ. Раса эта, отвергнувъ всякое благородство и всякую честь, какъ предразсудки стараго міра, приступила къ огромному эксперименту созданія новаго «социалистическаго» міра, въ которомъ не будетъ уже ничего «буржуазнаго». Соціалисты эволюціоннаго и реформаторскаго типа сохраняютъ нѣкоторую преемственность, они впитываютъ въ себя много «буржуазнаго». Въ Западной Европѣ преобладаетъ этотъ «буржуазный» типъ социализма. Но русскій революціонный социализмъ, достигшій своего самаго совершеннаго выраженія въ большевизмѣ, презираетъ и отвергаетъ этотъ «буржуазный» социализмъ, онъ претендуетъ научить «буржуазные» народы Запада истинному социализму, истинной революціонности. Новая раса нарождается въ Россіи и изъ Россіи понесетъ всему міру благу въстать о совершенно новомъ мірѣ. Претензія огромная, поистинѣ «месіанская». Такой русскій, славянскій «месіанизмъ» исповѣдывалъ Бакунинъ, для котораго зарево мирового пожара должно было начаться изъ Россіи, который вѣрилъ въ революціонный свѣтъ съ Востока. И г. Ленинъ оказался своеобразнымъ славянофиломъ, восточнымъ «месіонистомъ»—онъ предаётъ и истребляетъ Россію во имя ея всемірно-революціонной миссіи!

Очень интересно и поучительно присмотрѣться и узнать, что новаго несетъ съ собой этотъ русскій «социалистическій» міръ, что старое въ мірѣ «буржуазномъ» отвергаетъ онъ? Рождается ли новая душа въ социалистической расѣ, выступающей съ такими мировыми притязаніями и пытающейся осуществить ихъ въ такихъ кровавыхъ пасиліяхъ? Познающій можетъ стать въ сторонѣ отъ борьбы этихъ двухъ міровъ и онъ долженъ возвыситься надъ столкновениемъ интересовъ въ этой борьбѣ, онъ можетъ допустить, что много злого, безобразнаго и низкаго было въ мірѣ «буржуазномъ» и что въ мірѣ «социалистическомъ» есть своя правда, есть элементы необходимаго добра. Послѣднія времена существованія стараго «буржуазнаго» міра не отличались благообразіемъ и красотой. Предположимъ, что тотъ, кто хочетъ постигнуть природу и смыслъ происходящаго столкновения двухъ міровъ, всей душой желаетъ преображенія нашей дурной старой жизни, преодоленія рабства, грѣха и низости, и рожденія новаго человѣка, новой человѣческой души. Воля къ новой, лучшей, преображенной жизни можетъ быть не только «социалистической» волей, она можетъ быть и религіозной, христіанской волей. Подлинный, не внѣшній, глубокий христіанинъ не можетъ быть доволенъ старой «буржуазной» жизнью, основанной на насиліи и ненависти, онъ хочетъ «новаго неба» и «новой земли», хочетъ болѣе глубокихъ и радикальныхъ измѣненій и улучшеній, чѣмъ самый революціонный социалистъ. И міръ «социалистическій» можетъ показаться ему все тѣмъ же ветхимъ міромъ, старымъ міромъ грѣшнаго человѣка, раба своихъ страстей, своихъ злобныхъ и корыстныхъ

инстинктовъ, все тѣмъ же «буржуазнымъ» міромъ, но по новому механически переставленномъ и измѣнившимся свои внѣшнія оболочки и одѣянія. Не наслѣдуетъ ли міръ «социалистическій» всѣ «буржуазные» грѣхи и пороки, не хочетъ ли онъ «буржуазность» лишь равномерно распредѣлить и довести ея до предѣльнаго развитія и совершенства? Революціонно-социалистическій экспериментъ, производимый надъ несчастной Россіей, очень многое раскрываетъ и многому научаетъ. Обнаруживается, что міръ «социалистическій» съ злобой и ненавистью отвергаетъ все лучшее, что было въ мірѣ «буржуазномъ», всѣ непреходящія святости и цѣнности прошлаго, отцовъ и дѣдовъ. Но принимаетъ и преумножаетъ все худшее, что было въ мірѣ «буржуазномъ», всѣ грѣхи, болѣзни и низости прошлаго, всю тьму отцовъ и дѣдовъ. Въ чувствѣ злобной мстительности этотъ міръ сохраняетъ преемственность съ прошлымъ, въ чувствѣ злобной зависти онъ прикованъ къ прошлому, какъ рабъ. Онъ остался вѣренъ самымъ корыстнымъ традиціямъ прошлаго. Осталось «пять ненасытныхъ чувствъ, и шестое ненасытное чувство—тщеславіе».

II.

Возникшій въ Россіи большевистскій «социалистическій» міръ производитъ впечатлѣніе отбросовъ міра «буржуазнаго», болѣзненныхъ и смрадныхъ испареній прошлаго, истечения какой то старой тьмы. Изъ русскаго народа выходитъ нечистый духъ. Гдѣ же новый человѣкъ и новыя цѣнности въ нашей чисто солдатской, штыковой «социалистической» революціи? «Социалистическій» міръ не проявляетъ ни малѣйшихъ признаковъ творчества. Творчествомъ былъ богатъ старый міръ и изъ него выкрадываетъ міръ «социалистическій» всѣ творческія цѣнности. Самый социализмъ есть продуктъ творчества «буржуазнаго» міра, его цѣнности созданы дѣтьми «буржуазіи»,—Сень-Симономъ, Овенномъ, Марксомъ, Лассалемъ, а не дѣтьми «пролетаріата». Социалистическія идеи, какъ всѣ идеи,—порожденіе «цензоваго» міра, ценза образованія, таланта, культурности. Въ возникающемъ у насъ «социалистическомъ» мірѣ нѣтъ необходимаго для творчества ценза, не матеріальнаго, а духовнаго ценза. Все происходящее въ Россіи производитъ впечатлѣніе разрушенія стараго міра. Но разрушеніе это производится отрицательными и вырождающимися силами стараго міра, пришедшими въ состояніе хаоса и распада. Души людей, дѣлающихъ «социалистическую» революцію, стары до ужаса, инстинкты ихъ ветхи, ихъ чувства и мысли инертны, во всемъ ихъ обличьи узнается старая звѣриная природа человѣка, дѣйствовавшая и въ мірѣ «буржуазномъ» и тамъ совершавшая самыя злыя дѣянія этого міра. Но съ этой звѣриной природы окончательно сняты всѣ оковы, она вышла изъ-подъ сдерживающаго закона цивилизаціи, закона государства. Много было насилій въ старомъ «буржуазномъ» мірѣ, много надругательствъ надъ человѣкомъ. Отвергъ ли и побѣдилъ ли это старое зло новоявленный «социалистическій» міръ? Нѣтъ, онъ совершаетъ въ тысячу разъ болѣе насилія и болѣе надругательствъ надъ человѣкомъ. Этотъ «новый» міръ не насиліе и не оскорбленіе человѣка отвергъ, онъ въ принципѣ и въ идеѣ отвергъ всякое достоинство человѣка, всякую честь и благородство, какъ предразсудки. Насильничество этотъ новый

міръ взялъ изъ стараго міра, но проявляетъ его въ ничѣмъ не ограниченной и ничѣмъ не прикрытой формѣ. Русскій «соціалистическій» міръ взялъ штыки изъ міра «буржуазнаго» и далъ имъ неограниченную власть надъ жизнью несчастныхъ русскихъ людей. Онъ взялъ изъ стараго міра тюрьмы, заимствовалъ изъ него шпіонство и далъ этимъ старымъ стихіямъ неограниченную власть. Старый «буржуазный» міръ не очень любилъ свободу и по духовной немощи своей не умѣлъ жить въ свободѣ. Но новый «соціалистическій» міръ ненавидитъ свободу и истребляетъ ее безъ остатка. Этому новому міру чужда сама идея свободы человѣка и священныхъ правъ человѣка.

Много было корысти въ старомъ «буржуазномъ» мірѣ, много безобразнаго эгоизма. Отвергъ ли и побѣдилъ ли это старое зло новый «соціалистическій» міръ? Нѣтъ, корыстолюбие и эгоизмъ въ немъ еще усилились и правятъ жизнью еще болѣе беззастѣнчиво. Разница лишь въ томъ, что въ старомъ мірѣ корыстолюбие и эгоизмъ у людей, не потерявшихъ различія между добромъ и зломъ, не возводились въ перлъ созданія, не почитались святынями, а скорѣе признавались грѣхомъ и слабостью, въ новомъ же «соціалистическомъ» мірѣ эти низшія начала признаны священными и высокими, ибо ничего высшаго, чѣмъ самоутвержденіе человѣка, чѣмъ его благополучіе, удовлетвореніе и наслажденіе, этотъ міръ не признаетъ. «Буржуазный» міръ былъ грѣшный міръ, корыстолюбивый міръ. Міръ же «соціалистическій» захотѣлъ освятить эту грѣшность и корыстность, онъ убиваетъ чувство грѣха и хочетъ сдѣлать человѣка совершенно самодовольнымъ, хочетъ сдѣлать его наглымъ. Къ грѣхамъ «буржуазнаго» міра міръ «соціалистическій» прибавилъ еще пожирающую и яростную зависть и призналъ ее за высшую социальную добродѣтель. Въ мірѣ «соціалистическомъ» еще увеличилась сословность, взятая изъ стараго міра, и въ сословномъ раздорѣ, доведенномъ до отрицанія человѣка, увидѣли высшую социальную добродѣтель. Если раньше были привилегированными существами помѣщикъ и капиталистъ, то теперь привилегированными существами стали рабочій и крестьянинъ. Человѣкъ оцѣнивается по внѣшней, социальной своей оболочкѣ, а не по внутреннимъ, духовнымъ своимъ качествамъ. И не творится новой жизни, въ которой былъ бы поднятъ на высоту *человѣкъ*, *человѣческой* образъ, *человѣческой* ликъ.

III.

Въ послѣднія времена своего существованія «буржуазный» міръ сталъ мало духовнымъ, очень матеріалистическимъ. Духовнѣ ли міръ «соціалистическій», менѣ ли онъ матеріалистиченъ? О нѣтъ, онъ болѣе матеріалистиченъ, онъ окончательно угашаетъ духъ, онъ даже не забываетъ о духѣ, а отрицаетъ его и истребляетъ. Материализмъ «соціалистическаго» міра, отвращающійся отъ всѣхъ высшихъ духовныхъ реальностей и духовныхъ цѣнностей, есть материализмъ, заимствованный изъ міра «буржуазнаго», но усиленный и принявшій характеръ всеобъемлющій. «Буржуазный» міръ усумнился въ духовныхъ реальностяхъ и духовныхъ цѣностяхъ, онъ потерялъ вѣру въ міръ иной, онъ сталъ нерелигіозенъ. «Соціалистическій» міръ созидаетъ царство свое на этомъ невѣріи и этой нерелигіозности «буржуазнаго» міра. Но онъ атеизмъ свой возводитъ въ религію и гордится имъ. Утилитарный «буржуазный» духъ міръ «соціалистическій» кладетъ

въ основу своего бытія. Старый «буржуазный» міръ все-таки еще сомнѣвался въ величии и благостности своего невѣрія, онъ былъ раздвоенъ и въ свѣтлые промежутки онъ осуждалъ свое безбожіе. Міръ «соціалистическій» въ этомъ отношеніи болѣе цѣленъ, онъ самодовольно переживаетъ свое безбожіе, онъ гордится своимъ невѣріемъ. Если міръ «буржуазный» изобличали въ томъ, что личность человѣческую и душу человѣческую онъ дѣлаетъ средствомъ и орудіемъ матеріальныхъ интересовъ и матеріальной социальной среды, то еще болѣе грѣшитъ этимъ міръ «соціалистическій»,—онъ не видитъ личности человѣческой, онъ не знаетъ души человѣческой, онъ ничего не знаетъ кромѣ матеріальной социальной среды. Этотъ міръ цѣликомъ выброшенъ на поверхность, въ немъ нѣтъ никакой глубины. Все дурное, злое, бездушное въ старомъ «буржуазномъ» мірѣ самодовольный «соціалистическій» міръ рабски заимствуетъ, выкрадываетъ и далѣе развиваетъ. Новый «соціалистическій» міръ и есть укрѣпленіе на вѣки-вѣковъ и повсемѣстное распредѣленіе самодовольной «буржуазности», не сознающей грѣха. Онъ не грѣхи отвергъ, а сознание грѣха и покаяніе.

Но въ старомъ «буржуазномъ» мірѣ, въ мірѣ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, было не одно дурное и злое,—въ немъ были великія святыни и великія цѣнности. И вотъ эти святыни и цѣнности міръ «соціалистическій» отвергаетъ и истребляетъ. Въ старомъ «буржуазномъ» мірѣ была святость и гениальность, явленные въ ослѣпительныхъ образахъ, въ томъ мірѣ были Пушкинъ и Св. Серафимъ. Въ мірѣ «соціалистическомъ» болѣе не будетъ святыхъ и гениевъ,—они отрицаются всѣми основами этого новаго міра, они будутъ насильственно утоплены въ сѣрой безличной массѣ, въ безкачественномъ коллективѣ, ихъ возненавидятъ, какъ всякое возвышеніе. Новый міръ растворитъ всякое качество въ количествѣ. Много было хорошихъ, добрыхъ предразсудковъ въ старомъ мірѣ, которые нынѣ отвергнуты. Къ такимъ «буржуазнымъ предразсудкамъ» принадлежитъ признаніе элементарныхъ нормъ всякаго государственнаго и культурнаго существованія, элементарныхъ различій между добромъ и зломъ, обязательныхъ для всякаго нравственнаго существа. «Соціалистическій» міръ большевиковъ сталъ по ту сторону добра и зла, онъ впалъ не въ безнравственность, а въ нравственный идиотизмъ. Этотъ міръ сталъ по ту сторону закона цивилизаціи, не выше «закона», гдѣ уже царство благодати, а ниже его, гдѣ царство звѣриное. Старый «буржуазный» міръ признавалъ «предразсудокъ» права, хотя и недостаточно послѣдовательно, хотя и слишкомъ часто измѣняя ему. Новый «соціалистическій» міръ окончательно истребляетъ всякое право, отвергаетъ самую идею права. Старый «буржуазный» міръ создалъ

Великую Россію, великое русское государство, онъ признавалъ «предразсудокъ» патриотизма, національной чести, долга передъ отечествомъ. Новый «соціалистическій» міръ отмѣнилъ государства, расчленилъ Россію, превратилъ нашу родину въ кучу мусора, и надругался надъ патриотическимъ чувствомъ, надъ національной честью и достоинствомъ въ формахъ еще невиданныхъ въ исторіи. «Буржуазный» міръ принужденъ былъ все-таки считаться не только съ матеріальнымъ цензомъ (въ переоцѣнкѣ его была его слабость и грѣхъ), но и съ цензомъ духовнымъ, съ качественнымъ началомъ въ человѣческой личности,

съ образованиемъ, съ талантомъ, съ культурнымъ развигіемъ. Миръ «соціалистическій» отвергъ всѣ качественныя возвышенія и различія, всѣ духовныя преимущества, и личность человѣческую отдаетъ на растерзаніе количественной массѣ, угашаетъ всякій индивидуальный свѣтъ въ безличной темной массѣ. Онъ отвергъ «предразсудокъ» о личности, о ея ответственности, о ея достоинствѣ, о ея первородной свободѣ. Это былъ христіанскій «предразсудокъ», самимъ Богомъ раскрытый намъ «предразсудокъ». «Соціалистическій» миръ отвергъ старый «предразсудокъ» о Богѣ. Вотъ въ чемъ его тайна. Онъ совершилъ предательство вѣчности. Онъ отвергъ все вѣчное въ старомъ «буржуазномъ» мирѣ, всѣ непроходящія цѣнности, и принялъ все тлѣнное отъ него, всѣ его корысти, все его грѣховное рабство.

Духовное оздоровленіе наступитъ тогда, когда люймутъ, что миръ не дѣлится на «буржуазный» и

«соціалистическій», что «буржуазность» и «соціалистичность» — абстракціи, которымъ соотвѣтствуетъ очень сложная и многообразная дѣйствительность, какъ духовная, такъ и матеріальная. Остается вѣчнымъ дѣленіе и противоположеніе міра добра и зла, красоты и уродства, истины и лжи, Бога и діавола. Это противоположеніе не есть противоположеніе человѣческихъ интересовъ, оно выше и глубже. Облегченіе наступитъ тогда, когда поймутъ, что идея «соціалистическаго» рая на землѣ и превращаетъ нашу жизнь на землѣ въ адъ. Въ этомъ призрачномъ раѣ «останется вся *демоническая* природа человѣка. Дикая сама по себѣ, она будетъ неистовствовать безъ узды и закона». Нужно думать не о земномъ раѣ и не о блаженствѣ, а объ исполненіи суроваго долга, объ осуществленіи Божьей правды.

Николай Бердяевъ.

ЧЕСТНЫЙ БОЛЬШЕВИКЪ.

Георгій Чулковъ. Листки изъ дневника.

I.

Въ мои студенческіе годы въ Москвѣ было, кажется, только два кафэ—это кафэ Филиппова на Тверской и Бартельсъ у Никитскихъ воротъ. Въ 1905 году, пріѣхавъ какъ-то въ Москву, я обратилъ внимание на то, что появилось еще нѣсколько кафэ. Во время войны ихъ возникло немало, а въ дни революціи они стали расти, какъ грибы. Эта небольшая бытовая лодробность городской жизни не такъ ужъ незначительна, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ.

За послѣдніе два десятилѣтія мы неудержимо влеклись къ европейскому жизненному укладу—такъ все двигалось по широкимъ путямъ политики, науки, техники, и все это не могло не отразиться на бытовыхъ мелочахъ, а мы, писатели, въ малыхъ дѣлахъ повседневности всегда не прочь увидѣть отраженія большихъ событий.

Парижъ нельзя себѣ представить безъ кафэ. Да и во всякомъ европейскомъ городѣ вы найдете сотни кафэ, гдѣ постоянные и случайные посѣтители несутъ своеобразную повинность—газетную, курильную, аперитивную. Мы, горожане, стали европейцами, и хотя каждый день мы жалуемся на первобытность Россіи, на облѣпившихся мужиковъ, одѣтыхъ въ солдатскія шинели, которые висятъ гирляндами на трамваяхъ, и на все прочее, тѣмъ не менѣе произошелъ въ російскомъ обывателѣ какой-то психологическій сдвигъ (глубокій или поверхностный, къ добру или худу—объ этомъ пока помолчимъ).

Вотъ этотъ психологическій сдвигъ и побуждаетъ гражданъ выходить на улицу и не спѣшить къ домашнему очагу, медлить за столикомъ кафэ, прихлебывая скверный кофэ и косясь на газетный листъ съ грозными и зловѣщими подзаголовками, послѣдній смыслъ которыхъ еще не всѣмъ ясенъ.

Мы уже привыкли къ уличнымъ митингамъ—толковымъ или безтолковымъ, это другой вопросъ; насъ не изумляютъ сотни политическихъ афишъ на стѣнахъ; въ эти послѣдніе восемь мѣсяцевъ мы вкусили всѣ отравы и зелья, составленныя многоопытными алхимиками политиканствующей Европы. И мы торопливо

уходимъ изъ дому, чтобы слиться съ толпою, съ улицей, гдѣ шумитъ многоликая, многообразная и жуткая жизнь, такая кипучая во внѣшней своей обстановкѣ, и, быть можетъ, неподвижная въ своей сущности—жизнь похожая на смерть.

— На міру и смерть красна.

Во-истину никогда еще эта поговорка не была такъ многозначительна, какъ въ наши дни. Мы всегда теперь въ обществѣ Красной Смерти. И не случайно, должно быть, мы такъ привыкли къ уличнымъ перестрѣлкамъ, что удивляемся ружейнымъ залпамъ не болѣе, чѣмъ грохоту трамвая или гудку автомобиля.

И я, покорный *ритму* города, о которомъ такъ убѣдительно и мрачно писалъ Жюль Ромэнъ, брожу по новой Москвѣ, сижу въ кафэ, прислушиваясь къ страннымъ разговорамъ, которые ведутся гражданами поколебленнаго нынѣ Государства Россійскаго.

На дняхъ я сидѣлъ въ одномъ излюбленномъ мною подозрительномъ кафэ, не по-московски, а по-петербургски фантастичномъ, гдѣ подъ визгъ румынскихъ скрипокъ, въ дыму сигаръ и трубокъ, гудитъ пестрая толпа авантюристовъ, хулигановъ, актеровъ, журналистовъ, проституттокъ, революціонеровъ, поэтовъ и куда рѣдко заходятъ порядочные и добродѣтельные буржуа.

За сосѣднимъ столикомъ въ обществѣ молодой загризированной дамы съ сумасшедшими глазами и алымъ, какъ у пьеро, ртомъ сидѣлъ господинъ въ превосходномъ жакетѣ и дымилъ *bolivar*, стараясь не уронить пепла. У господина были свѣтлые наглые глаза, холодныя улыбающіяся губы и отлично выбритый подбородокъ, подпертый большимъ бѣлоснѣжнымъ воротникомъ.

— И такъ, мы побѣдили, моя красавица,—говорилъ господинъ, показывая крѣпкіе зубы и осторожно относясь въ сторону бѣлыми холеными пальцами сигару.

— И зачѣмъ вы съ ними связались? Ничего не понимаю,—улыбалась дама, искоса поглядывая на своего великолѣпнаго собесѣдника.

— Какъ? А съ кѣмъ же намъ быть? Да и народъ ничего себѣ—башибузуки. Я, знаете ли, терпѣть не могу одну только партію—Народной Свободы, знаете

ли... Это все, ангель мой, масоны. Знаю я этихъ чистенькихъ. Профессоришки, либералы... Имъ свободу подавай. А съ этими молодцами весело жить. Мы эту самую революцію—въ бараній рогъ. А самое главное, на чемъ мы сошлись—это Германія. Они ее уважаютъ, и мы тоже. Тѣ, кто поглупѣе, объ интернаціоналѣ бормочутъ, а главари понимаютъ, разумѣется, въ чемъ дѣло. А я, знаете ли, за Гогенцоллерна. Аристократъ, какъ хотите, опора монархическаго принципа.

Дама засмѣялась, оскаливъ зубки.

— У меня лейтенантъ былъ знакомый. Изъ Берлина. Наканунѣ войны уѣхалъ къ себѣ, въ фатерландъ. Очень пріятный мужчина.

— Я люблю пруссаковъ. Молодцы.

— Какъ фронтъ откроютъ, я въ Вѣну сейчасъ. У меня ангажементъ есть.

— вмѣстѣ поѣдемъ. Я съ манишками гешефтъ наладилъ.

Поклонникъ аристократическихъ и монархическихъ началъ, устроившій гешефтъ съ манишками, нагнулся къ своей дамѣ и что-то прошепталъ ей на-ухо.

Дама опять засмѣялась:

— Шалунъ. Вогъ разѣ въ автомобилѣ... Только за Карлушей заѣдемъ...

— За какимъ Карлушей?

— Да за парикмахеромъ моимъ. Онъ теперь много зарабатывать: большевикомъ сталъ.

— Заѣдемъ, пожалуй. Мнѣ все равно, ангель мой...

Господинъ бросилъ сигару, расплатился и парочка удалилась.

Этотъ откровенный разговоръ ничуть меня не удивилъ. Во время выборовъ въ Учредительное Собрание я встрѣтилъ одного гвардейскаго офицера, съ которымъ я познакомился на фронтѣ. Офицера я зналъ еще до революціи. Это былъ человѣкъ образованный, но по своимъ взглядамъ монархистъ яростный и убѣжденнѣйшій. Смѣялся онъ надъ грядущей демократіей не безъ демоническаго остроумія и, признаюсь, весьма непріятнаго.

— За кого же вы голосовали?—спросилъ я его при новой встрѣчѣ.

— За большевиковъ, разумѣется,—отвѣтилъ онъ серьезно и многозначительно.

— За большевиковъ,—повторилъ онъ:—Самый подходящий для меня списокъ, и всѣ наши за него голосовали. Намъ бы только кадетовъ провалить, а большевики сами утонуть.

— Какъ?

— Большевики въ крови захлебнутся. Вы понимаете?

— Послушайте,—сказалъ я:—Вы человѣкъ умный... Но, вѣдь, вы не только умный человѣкъ, вы патриотъ. Какъ же вы не чувствуете, что за большевиками идетъ Вильгельмъ?

Гвардеецъ нахмурился.

— Лучше Гогенцоллернъ, чѣмъ эта пошлѣйшая республика, такъ называемый правопорядокъ, социальная реформа и весь этотъ либеральный вздоръ.

Онъ придвинулся ко мнѣ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Главное—сорвать Учредительное Собрание. А эти молодцы такъ и сдѣлаютъ.

— Теперь я васъ понимаю,—сказалъ я:—Прощайте.

Подобныхъ разговоровъ я наслушался немало. Я видалъ солдатъ, совсѣмъ одурѣвшихъ, бормотав-

шихъ бессмысленно большевистскія слова; видалъ озлобленныхъ хулигановъ, ликующихъ, что, наконецъ, на ихъ улицѣ праздникъ; видалъ слѣпыхъ и тупыхъ поклонниковъ германскаго великолѣпія, прикрывающихся лозунгами большевизма: но вотъ, наконецъ, встрѣтилъ я—въ томъ самомъ кафѣ, гдѣ я слышалъ бесѣду спекулянта съ заgrimированною дамою—одного *честнаго большевика*. Это въ самомъ дѣлѣ былъ честнѣйшій большевикъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей.

Считаю своимъ долгомъ записать на листкахъ моего дневника этотъ разговоръ, по-моему, вовсе не безразличный.

II.

Въ день заключенія страннаго «мира» между большевиками и горстью вѣрныхъ революціи и странѣ московскихъ воинскихъ частей я бродилъ по улицамъ Москвы, какъ будто смущенной и подавленной дикою бойнею и нелѣпою ея развязкою. Зашелъ, между прочимъ, и въ это зловѣщее и фантастическое кафѣ.

Едва я успѣлъ заказать себѣ чашку кофе, какъ изъ противоположнаго угла комнаты поднялась какая-то долговязая фигура и направилась ко мнѣ, помахая рукою, съ явнымъ намѣреніемъ меня привѣтствовать.

— Узнаете?—спросилъ долговязый, хватая меня за руку и усаживаясь за мой столикъ.

Что-то давно знакомое мелькнуло въ чертахъ этого лохматого испитого человѣка съ горящими глазами, пугливыми, по-собачьи ласковыми.

— Это вы, Андрюша?—удивился я, вдругъ припомнивъ нѣжнаго худоцаваго юношу, котораго я зналъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, съ которымъ прожилъ вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ одной изъ сибирскихъ тюремъ.

— Да, это я, товарищъ,—залился мелкимъ нервнымъ смѣшкомъ Андрюша, опять хватая меня за руку и своими собачьими добрыми и несчастными глазами заглядывая мнѣ въ лицо.

— Ну, какъ вы, Андрюша, жили? Что дѣлали?

— Да, вѣдь, я все время за-границей былъ. Я все больше въ Цюрихѣ, а потомъ еще въ Женевѣ. Послѣ революціи сюда прѣхалъ.

— Черезъ Германію?

— Нѣтъ, черезъ Англию. Я потомъ жалѣлъ, что Ленина не дождался. Черезъ Германію удобнѣе было бы.

— Вы, я вижу, большевикъ, Андрюша... Какъ это васъ, милый, угораздило?

— Да, вѣдь, вы намъ не сочувствуете,—добродушно засмѣялся Андрюша:—Какъ же! Какъ же! Я васъ читалъ. Странно это, что вы не съ нами. Я про интеллигенцію говорю вообще. Странно, что она не съ нами. Что ни говорите, господа, а это все классовое подосознаніе, господа.

— Классовое? Не знаю, Андрюша. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, съ этимъ классовымъ сознаніемъ или подосознаніемъ. Мы, вѣдь, все-таки съ вами люди прежде всего. Я вотъ вами, какъ человѣкомъ, интересуюсь. Вы мнѣ толкомъ разскажите, какъ вы это все себѣ представляете, всю эту нынѣшнюю фантазматорію.

— Охотно, охотно,—заторопился Андрюша, обрадованный, повидимому, счастливымъ случаемъ излить душу:—Я себѣ все это такъ представляю. Война довела міръ до предѣла, буржуазный міръ, понимаете?

Дальше идти некуда. Все основы поколеблены. Если мы, социалисты, не воспользуемся такими чрезвычайными обстоятельствами, чтобы свалить совсем этот самый буржуазный мир, нам его уже никогда не свалить. Ах, товарищ! Я вас по старой памяти все еще товарищем называю... Так вот, товарищ, как же от этой надежды отказаться? Ведь, невозможно? Ведь, правда? Вы подумайте только, весь народ вооружен! А до сих пор у него не было в руках винтовок. А теперь не только винтовки—пулеметы, бомбы, орудия все его. Неужели от всего этого отказаться? Я знаю, вам все это кажется страшным, но, ведь, и во время Великой Французской Революции многим ее современникам казалось все страшным. Однако дело было сделано. Так и теперь у нас.

— Вы сразу много мыслей высказали,—сказал я, воспользовавшись паузой, когда мой собеседник остановился и поглядывал на меня, желая, должно быть, оценить впечатленье от своих слов:—Позвольте мне, Андрюша, вопросы вам некоторые задать. Во-первых, почему вы думаете, что теперь все основы поколеблены? Во-вторых, объясните мне, пожалуйста, как вы мой страх понимаете. Чего я собственно боюсь? И, наконец, в-третьих, не кажется ли вам, что «дело» Великой Французской Революции теперь не только не продолжается, но даже отрицается в самом корне?

— Как вы говорите?—доброе слово стало ображать Андрюша:—Три вопроса. Хорошо. Почему основы поколеблены? Откуда я это заключаю? Очень просто. Пролетариат повсюду оказывается пушечным мясом. И он чувствует, что ему гораздо ближе тот, кто сидит против него в окопах, чем тот, кто послал его на эту гнусную бойню. Вот вам уже и вынуть главный камень в буржуазном храме. А разрушение финансовой системы? А разочарование в буржуазном парламентаризме? Вот вам ответ на первый вопрос. Потом вы спрашиваете, о каком я вашем страхе говорю. Я вам откровенно скажу. Я думаю, что вы боитесь временной *необезпеченности* каждого из нас при грядущем социальном перевороте, а кроме того вас пугают эксцессы толпы, самосуды и тому подобное. Я это очень понимаю. Наконец, по поводу Великой Французской Революции я должен признаться, что ваше замечание меня несколько смутило. Я недоумываю, откуда у вас явилась мысль, что мы отрицаем дело революции. Мы углубляем то, что было этою самою революцією презоглашено.

— Я таких ответов и ожидал от вас, Андрюша. Но они меня вовсе не удовлетворяют, дорогой мой. Сомневаюсь, чтобы заправский немец чувствовал нашего пермяка или москвича, как своего, а в берлинском бюргере не видел соотечественника. Неужели в течение трех лет войны не проявилось бы как-нибудь это братство, ежели бы в самом деле оно в какой-либо мере было реально? Неужели вы думаете, что, кроме настроения крошечной кучки идеалистов, в роде Либкнехта, существует в немецком пролетариате живое стремление преодолеть эгоистическое пристрастие к фатерланду? Да, ведь, и сам Либкнехт никогда и нигде не делал заявлений в том смысле, что он вовсе отказывается от идеи *обороны* страны. Он только указывал правдиво на лицемерие хищной и воинствующей

прусской политики. От этой критики прусской системы очень далеко до полного отрицания идеи патриотизма. На счет разрушения финансовой системы я очень сомневаюсь, ибо магия буржуазной биржи и государственного казначейства начало весьма гибкое и ко всяким обстоятельствам приспособляющееся. Разочарование в буржуазном парламентаризме и вовсе проблематично, ибо Германия еще не имела этого опыта—ведь, у немцев даже ответственного министерства еще нет,—во Франции ярые враги парламентаризма, синдикалисты, пока молчат, понимая, что прусская оккупация нечто более горькое, чем *chambre des députés*. Английский пролетариат слишком умудрен многовековой культурой и не променяет синицы на журавля в небе, поверьте, мне Андрюша. Что касается интеллигентского страха, то я не отрицаю его. Да, интеллигент боится. Только он боится не временной личной необезпеченности. Ведь чтобы ни случилось, он в качестве грамотного человека кому-нибудь понадобится, в этом я не сомневаюсь, но боится он, что пролетариат русский, социализма не устроив, действительно окажется необезпеченным вовсе и—мало этого—будет задыхаться под двойным прессом плохой русской и хорошей иностранной промышленности. Я боюсь и еще кое-чего, о чем я сейчас, пожалуй, вам не скажу. И вообще думаю, что «ничего не бояться» признак малых умственных способностей. Но вот последний ваш ответ занимает меня больше всего—это ваше знаменитое «углубление» революции. В *contrat social*, из которого вышла вся идеология Французской Революции, была заложена идея права. Эта идея торжествовала и в проекте жирондистской конституции. И эта идея принципиально вовсе не отрицалась якобинцами. Если спорно вообще, является ли социализм развитием правовой идеи или его природа совсем иной категории, то во всяком случае безспорно, что идея диктатуры пролетариата, т.-е. ничтожного меньшинства народа,—противоречит явно всякому представлению о народоправстве. В известном плане я совсем не поклонник большинства. Но сейчас не в этом дело. Я хочу только указать, что если мартовская революция была революция, то в октябрь произошла контр-революция. Надо быть откровенным, Андрюша.

Андрюша задумался.

— Отчасти вы правы,—сказал он грустно:—Но в самом главном вы все-таки вовсе не правы. Поймите вы, что у большевиков есть идея всемирного бунта. Мы не хотим благополучия. Или социальная справедливость, или все к черту. Никто не посмел, а мы посмели. Мы рискуем. Мы все на карту поставили. Согласитесь, что здесь есть дерзновение. И как радостно разрушать этот лицемерный буржуазный порядок.

Я посмотрел в добрые собачьи глаза Андрюши и почувствовал, что он не кривляется, не лжет, не кокетничает. Правда, эта пугливая доброта его ласковых глаз совсем как-то не вязалась с его бунтарскими словами, но задних мыслей у него не было. Во-истину, в нем был какой-то младенческий восторг.

В это время в кафе вошли два упитанных господина в штатском, но пиджаки не могли утаить их явной военной выправки. Они сели за столик и развязно заговорили по-немецки.

— Андрияша!—сказалъ я, указывая глазами на вошедшихъ лейтенантовъ:—Вотъ вамъ и усмирители вашего всемирнаго бунта. Вы что объ этомъ думаете? Андрияша покраснѣлъ и, вытащивъ изъ портсигара

дрожащими пальцами папиросу, долго ее закуривалъ: то спички у него ломались, то папироса не курилась.

13 декабря 1917 г.

Георгии Чулковъ.

ДЕВАЛЬВАЦІЯ.

Статья проф. М. Н. Соболева.

Денежное обращеніе въ Россіи переживаетъ такую же катастрофу, какъ и остальные области народнаго хозяйства. Уже до революціи выпуски кредитныхъ билетовъ приняла угрожающіе размѣры, но за время революціи эти выпуски превзошли всякія ожиданія и довели цифру бумажно-денежнаго обращенія до чудовищныхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, за вторую половину 1914 года было выпущено кредитныхъ билетовъ на 1.314 мил. руб., за 1915 г. 2.670 мил. руб., за 1916 г. 3.487 мил. руб., за первые 2 мѣсяца 1917 г. 846 мил. руб. и за періодъ революціи 6.294 мил. руб. При этомъ темпъ выпусковъ возрастаетъ все прогрессирующимъ образомъ. Средній мѣсячный выпускъ кредитныхъ билетовъ составлялъ въ 1914 г. 238 мил. руб., въ 1915 г. 223 мил. руб., въ 1916 г. 290 мил., въ началѣ 1917 г. 423 мил., за мартъ—июнь 776 мил. руб. и съ іюля мѣсяца уже по 1.172 мил. руб.

Такой потокъ бумажекъ обусловливается всей трагической финансово-экономической безвыходностью положенія правительства, стоящаго у власти. Поступленіе налоговъ и другихъ сборовъ въ казну сильно сократилось въ то время, какъ расходы государства съ каждымъ днемъ увеличиваются въ возрастающей прогрессіи. Получается своего рода заколдованный кругъ: растушія цѣны на товары вызываютъ поднятіе заработной платы и жалованій служащихъ въ государственныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ и увеличеніе расходовъ государства на нужные ему товары, этотъ ростъ расходовъ вызываетъ усиленіе выпусковъ кредитныхъ билетовъ, что въ свою очередь поднимаетъ товарныя цѣны, а поднятіе цѣнъ влечетъ за собой снова ростъ расходовъ и т. д.

Въ общемъ въ настоящее время количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи превзошло уже 18 миллиардовъ руб. противъ 1,6 миллиардовъ, существовавшихъ въ обращеніи до войны. Если присчитать въ настоящее время обращающіеся боны и серіи, то количество бумажныхъ знаковъ достигнетъ 19¹/₂ миллиардовъ руб. въ то время, какъ передъ войной общее количество денежныхъ знаковъ (кредитныхъ билетовъ, золотыхъ и серебрянныхъ монетъ) не превышало 2¹/₂ миллиардовъ рублей.

Результатомъ непрерывно растущаго потока бумажныхъ знаковъ явилось ихъ прогрессирующее обезцѣненіе, уменьшеніе ихъ покупательной способности, что получаетъ свое выраженіе въ поднимающихся цѣнахъ на товары. Бумажный рубль по прежнему продолжаетъ, въ силу закона, именоваться рублемъ, но его покупательная сила, проявляющаяся въ обмѣнѣ на товары, все болѣе падаетъ.

Очень трудно въ ненормальныхъ условіяхъ современнаго хозяйства исчислить реальную покупательную силу бумажнаго рубля (напр., въ золотой валютѣ), ибо тѣ факторы, по которымъ можно было бы судить объ этой покупательной силѣ, искажаются случайными и посторонними влияніями. Такъ, вексельный курсъ

на иностранныхъ рынкахъ съ одной стороны измѣняется подъ вліяніемъ сильнаго превышенія ввоза товаровъ надъ ихъ вывозомъ, а также подъ вліяніемъ политическихъ событій, а съ другой—искусственно поддерживается правительствомъ, выпускающимъ иностранную валюту по заранѣе опредѣленной цѣнѣ. Далѣе уровень товарныхъ цѣнъ внутри страны, по которому можно было судить о степени паденія цѣнности кредитнаго рубля, измѣняется подъ сложнымъ вліяніемъ абсолютнаго недостатка товаровъ на рынкѣ и напряженнаго спроса. Цѣна бумажнаго рубля не зависитъ и отъ наличности золота, лежащаго въ Государственномъ банкѣ, такъ какъ эта наличность не вліяетъ на рыночные факторы, опредѣляющіе въ концѣ-концовъ цѣну бумажнаго рубля.

Покупательная сила рубля опредѣляется соотношеніемъ спроса и предложенія денегъ въ странѣ. Увеличеніе количества бумажныхъ знаковъ, усиливая предложеніе ихъ въ каналахъ обращенія, ведетъ къ паденію цѣны ихъ. Увеличеніе наличныхъ торговыхъ оборотовъ въ странѣ, связанное съ сокращеніемъ кредита, а также самый процессъ постепеннаго повышенія цѣнъ, сопровождается усиленіемъ спроса на деньги и, слѣд., поддерживаетъ ихъ цѣну. Наиболѣе чувствительный показатель измѣненій въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ—все же товарныя цѣны внутри страны. При пользованіи ими мы должны лишь учесть указанное вліяніе другихъ факторовъ сложена этихъ цѣнъ. Если взять большое количество товаровъ, въ массѣ которыхъ потонуть частныя вліянія, то можно съ нѣкоторой приблизительностью установить степень паденія покупательной силы бумажнаго рубля и его цѣну въ настоящее время, выраженную въ золотой валютѣ. Мы опредѣляли эту цѣну въ началѣ 1917 года по имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи товарнымъ цѣнамъ около 40 коп. золотомъ. Теперь, конечно, эта цѣна значительно упала. Не имѣя пока массовыхъ данныхъ товарныхъ цѣнъ для текущаго момента, мы не въ состояніи опредѣлить нынѣшнюю цѣну рубля, но все же думаемъ, что экономисты, опредѣляющіе ее въ 10 коп. золотомъ, идутъ слишкомъ далеко. По всей вѣроятности, можно принять эту цѣну въ данное время около 20 коп. золотомъ.

Какъ видитъ читатель, мы имѣемъ дѣло съ совершенно разстроеннымъ денежнымъ обращеніемъ, лѣченіе котораго представляетъ величайшія трудности. Теоретически возможны два способа врачеванія обезцѣненной денежной системы: 1) способъ поднятія обезцѣненнаго рубля до уровня его номинальной цѣны и 2) способъ зафиксированія рыночной цѣны рубля и приравненіе къ ней металлической валюты (такъ называемая девальвація). Какой изъ этихъ способовъ возможенъ и цѣлесообразенъ для Россіи въ настоящее время?

Прежде всего мы должны установить полную невозможность какихъ бы то ни было реформъ въ

денежной области до тѣхъ поръ, пока не кончится война и не возстановится болѣе или менѣе нормальное теченіе экономической жизни. Въ настоящее время послѣдняя настолько выбита изъ колеи, подвергается такимъ тяжелымъ испытаніямъ, что никакія органическія реформы не приведутъ къ цѣли. Лишь только правительство улучшило бы героическими мѣрами денежную систему, какъ она подверглась бы снова разстройству подъ вліяніемъ напр., новыхъ выпусковъ бумажекъ или подъ вліяніемъ усиливающейся разрухи народнаго хозяйства. Приходится неизбѣжно претерпѣть тотъ періодъ времени, пока денежная система будетъ оставаться разстроенной, и ограничиться лишь палліативными мѣрами, смягчающими тяжесть этого разстройства.

Къ коренному исправленію денежной системы мы сможемъ приступить только съ водвореніемъ нормальныхъ условій народнаго хозяйства. Возможно, что это наступитъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Но уже теперь намъ необходимо выработать опредѣленный планъ реформы, ибо отъ того или иного способа рѣшенія вопроса зависятъ и всѣ предварительные шаги, которые должны быть предприняты государствомъ для успѣшнаго осуществленія реформы. Напомнимъ, что денежныя реформы Канкринна и Витте потребовали, даже въ условіяхъ мирнаго времени, по нѣскольку лѣтъ подготовки.

Еще въ концѣ 1916 года выпуски бумажныхъ денегъ ограничивались суммой около 9 милліардовъ руб. (на 1 января 1917 г. было выпущено 9.097 милліоновъ руб.), и среди экономистовъ оставалась нѣкоторая надежда на возможность возстановленія полноценнаго рубля. Для этого было бы необходимо изъять сумму въ 4—5 милліардовъ руб. изъ обращенія, что при всѣхъ трудностяхъ все же не представлялось невозможнымъ. Съ того времени картина нашего денежнаго обращенія рѣзко измѣнилась, и теперь намъ приходится оставить всякую надежду на поднятіе цѣны бумажнаго рубля до уровня золотого рубля, такъ какъ изъятіе 12—13 милліардовъ, если даже предполагать прекращеніе дальнѣйшихъ выпусковъ, не осуществимо никакими кредитными операціями.

Остается такимъ образомъ только второй способъ уврачеванія разстроеннаго денежнаго обращенія—девальвация, или признаніе за обезцѣненнымъ рублемъ той цѣны его въ золотой валютѣ, какая установилась на внутреннемъ рынкѣ.

Надо замѣтить, что въ широкой публикѣ существуетъ какой-то паническій страхъ передъ возможной девальвацией, какъ реформѣ, угрожающей населенію убытками. Этотъ страхъ покоится на непониманіи сущности девальвации. Послѣдняя отнюдь не посягаетъ на реальныя имущественныя цѣнности граждавъ страны. Она только узаконяетъ ту цѣну бумажнаго рубля, которая фактически сложилась на внутреннемъ рынкѣ, ту цѣну, по которой рубли обращаются среди публики, по которой публика обмѣниваетъ эти рубли на товары. Если, напр., въ данный моментъ бумажный рубль имѣетъ покупательную силу 20 коп. золотомъ, то вѣдь по этой оцѣнкѣ онъ поступаетъ въ руки каждаго держателя, продающаго за деньги свои товары и свою рабочую силу. И если государство признаетъ бумажный рубль стоящимъ 20 коп. золотомъ, то оно только узаконитъ ту его покупательную силу, которая въ дѣйствительности существуетъ въ народномъ хозяйствѣ. Если при этомъ

обезцѣненіе рубля имѣло мѣсто продолжительное время, то по нему давнымъ давно перестроились всѣ денежныя обязательства гражданъ, всѣ долги, цѣны акцій и другихъ бумагъ, жалованья и пр. Такъ, ассигнаціонный рубль установился на одномъ и томъ же уровнѣ въ 25—28 коп. серебромъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій передъ реформой Канкринна, кредитный рубль колебался около 60—68 коп. золотомъ въ теченіе всей послѣдней четверти XIX столѣтія передъ реформой Витте.

Въ переживаемомъ нами теперь обезцѣненіи рубля есть особенность—это быстрота паденія цѣны рубля. Онъ упалъ въ 4—5 разъ противъ своей номинальной цѣны за какіе-нибудь два—два съ половиной года. Эта особенность вызываетъ необходимость ввести въ реформу рядъ оговорокъ, обезпечивающихъ тѣхъ лицъ, денежныя отношенія которыхъ были установлены до войны. Но она не мѣняетъ сущности дѣла и, главное, не устраняетъ возможности узаконить существующую рыночную цѣну бумажнаго рубля для всѣхъ его фактическихъ держателей.

Самое проведеніе девальвации мыслимо двоякимъ путемъ. Первый путь былъ въ свое время осуществленъ министромъ финансовъ Канкриннымъ. Онъ заключался въ томъ, что государство, признавъ обезцѣненіе ассигнаціоннаго рубля и установивъ его въ 28 коп. серебромъ, ввело новую денежную единицу—кредитный рубль, приравненный къ прежнему полноценному серебряному рублю. Этотъ кредитный рубль и сдѣлался новой денежной единицей, которая должна была размѣниваться на старые ассигнаціонные рубли въ отношеніи 1 къ $3\frac{1}{2}$. Другими словами, кредитный рубль считался за $3\frac{1}{2}$ ассигнаціонныхъ рубля. Пока въ народномъ обращеніи обращались тѣ и другіе рубли, этотъ двойной счетъ оказывался неизбѣжнымъ. Одни лица продолжали считать на ассигнаціи, въ то время какъ другіе уже считали на кредитные рубли. Указанный пріемъ возстановляетъ прежнюю металлическую полноценную денежную единицу и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ рѣзкое измѣненіе всѣхъ денежныхъ расчетовъ, дѣлавшихся въ обезцѣненной бумажной валютѣ. Всѣ товарныя цѣны при этомъ должны сильно упасть. Въ результатѣ населеніе очень болѣзненно переживаетъ происходящую революцію цѣнъ и денежныхъ обязательствъ. Въ этой ломкѣ цѣнъ и оцѣнки денежныхъ обязательствъ и лежитъ отрицательная сторона системы Канкринна.

Иначе подошелъ къ проведенію девальвации Витте. Желая точно также узаконить рыночную цѣну кредитнаго рубля, Витте сдѣлалъ это не возвращеніемъ къ прежней полноценной денежной единицѣ въ видѣ золотого рубля и къ приравненію къ ней обезцѣненнаго бумажнаго рубля въ размѣрѣ 66 $\frac{2}{3}$ коп. золотомъ, а *пониженіемъ* внутренней цѣнности золотой монеты до уровня рыночной цѣны бумажнаго рубля. Прежній имперіаль, стоившій 10 руб. золотомъ, былъ превращенъ теперь въ монету въ 15 рублей, 5-рублевый полуимперіаль—въ монету въ 7 $\frac{1}{2}$ руб. Такимъ образомъ бумажный рубль упавшій на рынкѣ до цѣны въ 66 $\frac{2}{3}$ коп. золотомъ, былъ сохраненъ въ качествѣ денежной единицы и къ нему были приравнены золотыя деньги по ихъ рыночному соотношенію съ бумажными деньгами. Разъ мѣриломъ денегъ остался бумажный рубль въ той его цѣнѣ, которая фактически сложилась на рынкѣ, то покупательная способность

новаго рубля осталась неизмѣнной, всѣ товарныя цѣны и денежныя обязательства, выраженные въ этой единицѣ, точно также не измѣнились, и публика совершенно не замѣтила той девальвации, которая была осуществлена.

Конечно, второй способ девальвации, какъ не затрагивающій установившихся цѣнъ и денежныхъ обязательствъ, въ современномъ экономическомъ строе, покоящемся на оживленномъ денежномъ и торговомъ оборотѣ, долженъ быть предпочтенъ. Однако условіемъ въ его проведеніи является то, чтобы пониженіе рыночной цѣны бумажнаго рубля не было чрезмѣрнымъ, такъ какъ это повело бы къ созданію слишкомъ мелкой денежной единицы. Представимъ себѣ, что рыночная цѣна бумажнаго рубля опустится до 10 коп. золотомъ. Въ такомъ случаѣ, согласно плану Витте, мы должны были бы принять за новую денежную единицу, рубль, имѣющій цѣнность въ 10 коп. золотомъ, и, соотвѣтственно этому, перечеканить нынѣшнія 10-рублевая монеты въ 100-рублевая. Мы получили бы денежную систему съ необычно малой денежной единицей, встрѣчающейся только въ Турціи (піастръ цѣнностью въ 8—9 коп. зол.).

Съ другой стороны возвращеніе къ прежней денежной единицѣ въ видѣ золотого рубля, какимъ онъ у насъ считался (въ 10-рублевой монетѣ 1 золотникъ 78,24 долей), представляется другой крайностью. Это вызвало бы рѣзкое пониженіе всѣхъ цѣнъ и денежныхъ отношеній, установившихся за послѣднее время, повело бы къ большимъ пертурбаціямъ и осложненіямъ въ хозяйственной жизни.

Мы считаемъ неизбѣжнымъ принять способъ девальвации Канкринскаго типа, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. За денежную единицу долженъ быть принятъ новый рубль, размѣнный на золото, цѣнностью во

всякомъ случаѣ ниже прежняго довоеннаго рубля—напр., цѣнностію въ 50 коп. и 40 коп. золотомъ. Соотвѣтственно этой нормѣ, должны быть перечеканены прежніе золотыя монеты въ монеты вдвое меньшаго содержанія золота. Обезцѣненные бумажныя деньги должны быть признаны обмѣниваемы на новыя деньги по извѣстному курсу, отвѣчающему ихъ рыночной цѣнѣ.

Въ связи съ девальвацией кредитныхъ рублей возникаетъ еще одинъ вопросъ: какъ исчислять въ новыхъ деньгахъ тѣ обязательства, которыя были заключены до войны (аренды, вклады, долги и пр.), и цѣнныя бумаги, которыя были выпущены до войны. Дѣло въ томъ, что всѣ эти обязательства были оплачены прежними полноцѣнными деньгами. Сумма долга въ 1.000 рублей, уплаченныхъ полноцѣнными деньгами, не можетъ быть теперь превращаема въ 500-прежнихъ золотыхъ рублей. Такое принудительное измѣненіе являлось бы несправедливымъ лишеніемъ имущества на цѣлую половину. Приведенное осложненіе вытекаетъ изъ того стремительнаго процесса паденія цѣны кредитнаго рубля, которое произошло въ 2 года и къ которому не успѣли еще приноровиться всѣ денежныя отношенія въ странѣ. Отсюда вытекаетъ неизбѣжность выдѣлить всѣ тѣ обязательства, которыя возникли до войны, для того, чтобы признать покрытие ихъ обязательнымъ въ полной цѣнности стараго золотого рубля. Другими словами, эти обязательства должны быть оплачены въ новыхъ рубляхъ въ удвоенной суммѣ.

Принятіе плана девальвации необходимо уже теперь для того, чтобы незамедлительно приступить къ ряду подготовительныхъ мѣропріятій, которыя обеспечили бы успѣхъ всей реформы ¹⁾.

М. Н. Соболевъ.

ВЛАСТЕЛИНЪ ПО ВОЛѢ ПРЕТОРИАНЦЕВЪ.

Статья проф. Б. В. Чредина.

Миновали столѣтія. Исчезли отжившіе свой вѣкъ народы. Одни государства утратили свою мощь и погибли, другія, болѣе сильныя, заступили ихъ мѣсто. Въ прахѣ лежатъ развалины древнихъ храмовъ, дворцовъ и частныхъ зданій. Среди развалинъ—тишина. Лишь изрѣдка порывъ вѣтра нарушаетъ ее, шелестя траву, нашедшею себѣ пріютъ въ расщелинахъ ветхихъ сводовъ и стѣнъ...

Къ счастью для современнаго человѣчества не всѣ произведенія древнихъ авторовъ время предало забвенію и гибели. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились, и въ нихъ раскрывается горе и радость, мысль и сомнѣнія ушедшихъ въ вѣчность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Какъ сложна ни была бы современная жизнь, какъ бы настойчиво ни звалъ къ себѣ говоръ и шумъ, летящій изъ народныхъ глубинъ,—пельзя, тѣмъ не менѣе, пренебрегать тѣнями прошлаго. Онѣ поучаютъ. *Experto audite*—«Повѣрьте испытавшему!»—Такъ можетъ сказать о себѣ каждая изъ нихъ. Онѣ предрекаютъ то, что готовить, быть можетъ, предстоящій день, поскорѣе узрѣтъ который

всегда страстно жаждетъ народъ, истерзанный бѣдой и невзгодами. Устремить свой взоръ въ будущее, не вспоминая о прошломъ,—не значить ли это отказаться отъ попытки понять то, что даетъ небольшой промежутокъ времени, который зовется сегодняшнимъ днемъ?

«Что можетъ быть болѣе демократическаго, чѣмъ миръ?»—спрашивалъ Цицеронъ. «Ему, вѣдь, радуются», продолжалъ онъ, «не одни только одушевленные существа, но, кажется мнѣ, даже зданія городовъ, даже земля полей. Что, далѣе, болѣе демократическаго, чѣмъ свобода? Вы видите, вѣдь, что не одни только люди, но и животныя стремятся къ ней, предпочитая ее всякому другому благу. Что, наконецъ, болѣе демократическаго, чѣмъ тишина? Сколь велика ея сладость, видно изъ того, что и въ старину и нынѣ дѣятельные люди брали на себя величайшіе труды, чтобы остатокъ своихъ дней провести въ тишинѣ, тѣмъ болѣе, если эта тишина могла быть соединена съ преобладающимъ и почетнымъ положеніемъ; оттого то наши предки и заслуживаютъ особой

¹⁾ Статья проф. М. Н. Соболева была написана до октябрьскаго возстанія, но, несмотря на новую политическую обстановку и измѣненіе нашего финансоваго положенія, редакция сочла возможнымъ помѣстить эту статью въ виду важности темы и ея теоретической значительности.

хвалы и благодарности съ нашей стороны, что они своими трудами добыли намъ возможность безбоязненно наслаждаться этой тишиной».

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть демократичнѣе этихъ преподанныхъ Цицерономъ лозунговъ? Какія же средства предлагаетъ въ настоящее время истинный демократизмъ къ достиженію внѣшняго мира, свободы и внутренняго спокойствія и тишины? Великая задача созиданія мощной своенародной власти прежде всего подлежитъ разрѣшенію. Только тогда междуособіе прекратится и будетъ водворенъ порядокъ—необходимое условіе мира внѣшняго. Власть, опираясь на волю народа, выраженную его учрежденіями, должна утвердить свободу на прочной основѣ права, на уваженіи къ свободѣ каждаго гражданина въ отдѣльности и всѣхъ ихъ вмѣстѣ, ибо только тогда всеобщая свобода не потерпитъ ущерба. Въ противномъ случаѣ власть сведется къ ряду насилій сильныхъ надъ слабыми и безоружными.

Одно воспоминаніе влечетъ за собою другія. Республика въ Римѣ погибла. Сильная власть была сосредоточена въ рукахъ единоличныхъ владыкъ. Римская держава покореннымъ народамъ обезпечила миръ; улеглись смуты и волненія, гражданская война окончилась. Но свобода была задавлена. О ней приходилось только мечтать. И римскій сенатъ предался мечтамъ. Обстоятельства способствовали этому.

Два заговора противъ императора Калигулы были раскрыты. Составился третій. Заговорщики исполнили свое намѣреніе не безъ вѣдома префектовъ преторіанцевъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ заговорѣ былъ трибунъ преторіанской когорты, Кассій Херея. Заговорщики удалили Клавдія, брата Германика, вмѣстѣ съ прочими присутствовавшими лицами, ссылаясь на то, что императоръ хотѣлъ остаться одинъ. Клавдій ушелъ въ свои покои, но вскорѣ, испугавшись шума, поднятаго убійцами, бросился на сосѣдній балконъ и спрятался за дверною драпировкой. Случайно пробѣгавшій мимо одинъ изъ рядовыхъ преторіанцевъ, Гратъ, замѣтилъ чьи-то ноги, и желая узнать, чьи онѣ, увидѣлъ Клавдія. Онъ вытащилъ его и, въ то время, какъ Клавдій упалъ передъ нимъ на колѣна,—поздравилъ его императоромъ. Затѣмъ Гратъ привелъ его къ своимъ товарищамъ. Солдаты быстро освоились со вновь создавшимся положеніемъ и рѣшили извлечь изъ него для себя пользу. Воины видѣли, что народъ не въ силахъ будетъ справиться съ многочисленными и важными дѣлами правленія, что для нихъ самихъ не будетъ никакой пользы, если власть перейдетъ къ народу, и что избраніе императора, произведенное безъ ихъ помощи, навлекло бы на нихъ неблагопріятныя послѣдствія. Они посадили Клавдія на носилки и на своихъ плечахъ принесли въ лагерь. Клавдій былъ грустенъ и дрожалъ, а встрѣчные жалѣли его, думая, что его безвинно тащутъ на казнь. Очувившись въ лагерь, Клавдій переночевалъ въ караульномъ помѣщеніи. Онъ почувствовалъ себя въ большей безопасности, но не особенно вѣрилъ въ успѣхъ.

Когда разнеслась вѣсть о смерти императора Калигулы, то ей горожане же повѣрили сразу. По Риму молвой распространялись различные слухи. Явилось подозрѣніе, что Калигула нарочно распустилъ слухъ о своемъ убійствѣ, съ цѣлью вывѣдать такимъ путемъ, что думаютъ о немъ. Заговорщики не поднимали вопроса о выборѣ наслѣдника, а сенатъ съ такимъ едино-

душіемъ рѣшилъ возстановить свободное правленіе, что консулы созвали сенатъ сперва не въ куріи, такъ какъ она называлась Юлиевою, а на Капитоли. Обыкновеннымъ мѣстомъ сенатскихъ засѣданій на форумѣ была Гостиліева курія; со времени Августа сенатъ сталъ засѣдать въ куріи Юлиевою. По словамъ Светонія, нѣкоторые предлагали даже изгладить всякое воспоминаніе объ императорахъ и разрушить ихъ храмы. Болѣе правдоподобно свидѣтельство Юсіфа Флавія,—слѣдовало, повидимому, опасаться, какъ бы разгнѣванные воины не нанесли поврежденій городу и не стали бы расхищать храмы и дома. Сенату сочувствовалъ вначалѣ обрадованный народъ, который надѣялся на приобрѣтеніе для себя власти и гордился тѣмъ, что не состоитъ болѣе въ подчиненіи у императора. На сторону сената встали городскія когорты—то были родъ жандармовъ столичнаго города. На приглашеніе народнаго трибуна пожаловать въ сенатъ для объясненій, Клавдій отвѣтилъ уклончиво. Засвидѣтельствованное Флавіемъ участіе царя Агриппы въ преговорахъ между сенатомъ и Клавдіемъ клонилось не въ пользу сената.

На слѣдующій день положеніе вещей измѣнилось явно въ пользу Клавдія. Сенатъ вель себя въ дѣлѣ осуществленія своихъ плановъ менѣе энергично. На засѣданіе явилось не болѣе ста сенаторовъ. Изъ остальныхъ одни не пошли по малодушію, другіе вслѣдствіе безразличнаго отношенія къ событіямъ. Въ сенатѣ возникли утомительные споры между лицами различныхъ партій. Между сенатомъ и народомъ обнаружился разладъ. По словамъ Юсіфа Флавія, сенаторы, считывая на благопріятный случай, стремились возстановить свое прежнее достоинство и избавиться отъ порабощенія, въ какомъ они находились вслѣдствіе высокоумѣрія тирановъ; народъ же, завидуя имъ въ этомъ и видя въ императорской власти преграду ихъ честолюбивымъ замысламъ и для себя убѣжище, радовался похищенію Клавдія и увѣрялъ себя, что Клавдій, сдѣлавшись императоромъ, прекратитъ междуособную вражду, грозившую стать такой же, какой она была при Помпеевѣ. Народъ, слѣдовательно, не питалъ большого довѣрія къ сенату, подозрѣвая его въ томъ, что онъ дѣйствуетъ исключительно въ своихъ собственныхъ видахъ, и опасался повторенія гражданской войны, которую вели между собой войска Цезаря и Помпея; онъ боялся вновь пережить тѣ времена, когда, по выраженію Лукана, преступленію была дана сила и власть права, когда могучій народъ самъ на себя поднялъ побѣдоносную десницу свою. Воины, державшіе сторону сената, потребовали врученія власти одному лицу и вскорѣ вслѣдъ за этимъ присоединились къ сторонникамъ Клавдія. Сенатъ былъ покинутъ своими защитниками.

Клавдій разрѣшилъ собравшимся въ полномъ вооруженіи солдатамъ принести ему присягу, обѣщая дать каждому изъ нихъ денежную награду. На престолѣ римскихъ кесарей бѣшенаго звѣря, Калигулу, смѣнилъ Клавдій, мать котораго, желая укорить кого-либо въ умственной неразвитости, говорила, что онъ глупѣе ея сына, Клавдія. Попытка сената возвратить утраченную римскимъ народомъ свободу окончилась неудачей.

Къ тому времени народныя собранія потеряли почти всякое значеніе. Сенатъ, не способный самъ собою управлять огромнымъ государствомъ, не обладалъ прежнимъ авторитетомъ. Онъ давно былъ унижаемъ

и униженъ. Замѣчательнъ въ этомъ отношеніи поступокъ Суллы послѣ побѣды у стѣнъ Рима надъ самнитскимъ войскомъ, пришедшимъ на выручку осажденнаго въ Пренесте Кая Марія сына. Сулла приказалъ собрать остатки непріятельскаго войска, всего около шести тысячъ человекъ, въ циркѣ Фламинія на Марсовомъ полѣ, у западнаго склона Капиталійскаго холма, и открылъ засѣданіе сената вблизи отъ цирка, въ храмѣ богини Беллоны, богини войны. Храмъ ея былъ построенъ на Марсовомъ полѣ; въ немъ сенатъ обыкновенно принималъ полководцевъ, заявлявшихъ притязаніе на триумфальный вѣздъ въ городъ. Въ то время, какъ Сулла началъ свою рѣчь, приставленные имъ солдаты стали рѣзать безоружныхъ враговъ. Сенаторы пришли въ ужасъ; но Сулла продолжалъ говорить безъ малѣйшаго смущенія, со спокойнымъ холоднымъ лицомъ и просилъ ихъ внимательно слушать его слова. По его приказанію, говорилъ онъ, учать нѣсколькихъ негодяевъ. Въ этомъ поступкѣ Суллы, по приказанію котораго была учинена отвратительная рѣзня по соседству съ мѣстомъ засѣданія сената въ то время, какъ тамъ шло засѣданіе, было заключено предостереженіе сенату относительно того, чего ему ждать отъ человека, въ чьихъ рукахъ счастье соединило силу и власть. Сенатъ, какъ было сказано, прошелъ черезъ униженія. Онъ испыталъ то давленіе, которое оказывали на него отдѣльныя лица, достигавшія по волѣ судьбы вершинъ власти и могущества. Прежнее его вліяніе на народъ было давно подорвано. И въ немъ самомъ вмѣсто единства оказалась партійная рознь, способствовавшая неудачѣ его попытки возстановить республиканскую форму правленія.

Толпа, окружавшая сенатъ, потребовала себѣ едилаго главу, называя при этомъ Клавдія. Въ ней сказалось тяготѣніе къ единовластію. Республиканскій строй сталъ клониться къ упадку съ того времени, когда знать, какъ о томъ говоритъ Саллюстій, стала злоупотреблять своимъ вліяніемъ, народъ своей свободой; каждый стремился похитить все для себя; все распалось на двѣ части, государственнй строй, потрясаемый борющимися, расшатался. Смуты благоприятствовали возникшимъ мало-по-малу въ народѣ

стремленіямъ къ единоличной власти. Въ дѣло созданія такихъ настроеній свою лепту внесли вожди народныхъ массъ. Извѣстны слова Катилины: «Въ государствѣ—два тѣла, одно слабое съ безсильной головой, другое сильное, но безъ головы; пусть это второе тѣло поддержитъ меня—и оно, пока я живъ, безъ головы не будетъ». Слабое тѣло—это знать, безсильная голова—это сенатъ, тѣло безъ головы—это римскій народъ. Катилина видѣлъ въ себѣ народнаго главу, разсчитывая, въ случаѣ, если противники разожгутъ противъ него пожаръ, потушить его съ помощью народа не водою, а развалинами. Пониманіе свободы было въ народѣ извращено,—опять-таки не безъ участія народныхъ вождей. Краснорѣчиво свидѣтельствуешь объ этомъ одинъ фактъ, приведенный Плутархомъ. Добившись изгнанія Цицерона, Клодій, вождь римской городской черни, приказалъ сжечь его виллы, сжечь и его домъ и построить на ихъ мѣстѣ храмъ Свободы. Неудивительно послѣ этого, что попытка сената вернуть истинную свободу была заранѣе обречена на неудачу. Къ безудержному произволу сенатъ не стремился, такую свободу онъ отрицалъ, но отрицаніе свободы, отождествляемой съ своеволіемъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе правопорядка, а его и не могла обезпечить одряхлѣвшая римская республика.

Клавдія Светоній назвалъ первымъ императоромъ, купившимъ за деньги вѣрность своихъ солдатъ. Это не совсѣмъ точно. Основатель системы цезаризма, Кай Юлій Цезарь, полагалъ основы власти въ солдатахъ и деньгахъ. Сѣмена были имъ брошены и дали обильные всходы. Клавдій пожалъ только то, что было посеяно. Онъ былъ лишь первымъ императоромъ безъ всякихъ стѣсненій купившимъ у солдатъ ихъ присягу на вѣрность. Онъ шелъ лишь по стопамъ Цезаря...

Мрачныя тѣни исчезаютъ, сливаясь съ предразсвѣтной мглой. Пасмурный день и ночь, исполненная призраковъ, прошли въ небытіе. Заря новаго дня занимается. Будетъ ли она зарею свободы? Отвѣтитъ на это, ни мало не медля, долженъ народъ.

Б. В. Чедиг.

ВСЕОБЩЕЕ ВОЗСТАНІЕ.

[Временникъ Алексѣя Ремизова]

¶ X.

Судъ непосужаемый.

Та легкота душевная, какую почувствовалъ я, когда вдругъ увидѣлъ звѣзды надъ Невой, со сномъ канула въ моей душѣ, и утро пасмурное февральское замутило свѣтъ звѣздный.

На душѣ было туманно, а благовѣсть великопостный внятенъ и за двойной рамой.

Толпы, собравшіяся вчера на Невскомъ, рты безликіе—пасть, которую надо было заткнуть кускомъ хлѣба, пока что молчаливыя (не успѣли ихъ еще ни науськать, ни надоумить), вышли онѣ и сегодня, выйдутъ и завтра. И стрѣляй не стрѣляй—накормить голоднаго надо, голодную собаку и ту жалко, а тутъ душа человѣческая, и еще потому надо, вѣдь, голодный, что бѣшенный.

Толпы молчаливыя—рты голодные собирались отъ заставъ и съ трактовъ къ петербургскимъ мостамъ. Сосѣдъ Хрушовъ хлѣба не принесъ.

Что-то будетъ?—гадали. Что будетъ, чѣмъ кончится?

Сосѣдъ Хрушовъ съ пятницы засѣлъ за французскую революцію. Всѣ ужъ говорили о революціи.

Туманно было на душѣ.

Я продолжалъ писать мою старинную повѣсть о Антиохѣ царѣ сирійскомъ и Аполлонѣ Тирскомъ, мнѣ хотѣлось непремѣнно кончить ее къ какому-то сроку и я боялся, что не успѣю.

Туманно было на душѣ, и внятно: я прислушивался, точно ждалъ чего-то.

Въ субботу до всенощной пріѣзжалъ съ Охты Иванъ Николаевичъ Пантелѣевъ, спутникъ нашъ на старыя могилы въ Римъ первый—въ самый кануль

объявления войны привелъ Богъ побывать въ Римѣ, и память о немъ неизбывна.

— На Охтѣ пристава укокошили!

Иванъ Николаевичъ молодой, здоровый,—поглядишь на него, самъ помолодѣешь, и какъ сталь онъ рассказывать о своей Охтѣ, показалось тогда, такъ вотъ и распахнется дверь и выпустятъ всѣхъ на волю. Какая воля, о ней по простотѣ нашей кто знаетъ? А мечталось о волѣ, какъ о хлѣбѣ.

Попили мы чайку съ Иваномъ Николаевичемъ, вспомнили Римъ, старую дорогу Аппиеву, потолковали о войнѣ—конца ей пожелали скорого, пошелъ я провожать гостя, а кстати, думаю, газету куплю. Попрощались, вышелъ я на Средній и хоть бы одинъ гаетчикъ, пустынно, и трамваи безъ огоньковъ одинъ за однимъ—въ паркѣ.

И нестрашнымъ показался мнѣ патруль: шли солдаты, носъ въ землю, тяжело.

А неужто и вправду, вотъ такъ и распахнется дверь.—Мечталось о волѣ, какъ о хлѣбѣ.

Въ воскресенье выдался день ясный съ морозцемъ.

И было знаменіе надъ Петербургомъ видимо всѣмъ: явились на небѣ четыре новыхъ багряныхъ солнца по два о-бокъ Божьяго солнца, серебряный поясъ опоясалъ небо и по поясу противъ солнцъ пять солнцъ бѣлыхъ, а отъ солнца къ солнцу радуга надъ Божьимъ солнцемъ одна надъ другою, а надъ радугой вѣнецъ.

Я прошелъ до Казанскаго собора, а съ улицъ вылѣзали и ползли мнѣ навстрѣчу—лица необычныя: перекошенные, передернутые, сухіе, колчепыги, завитнашки,—это обида выползала изъ своихъ скртыи, угловъ и норей, сползались придушенные и придавленные, обида выходила со своей горечью творить судъ свой съ голодомъ непосужаемый.

Вечеромъ пугали водой: вода станетъ, а на Неву не дадутъ съ ведеркомъ ходить. И большое было смятеніе по дому.

А у меня на душѣ, какъ туманъ.

До поздней ночи писалъ я мою старинную повѣсть, и легъ съ думой о родинѣ нашей, развоеванной и голодной, о грозныхъ дняхъ грядущихъ.

И приснился мнѣ сонъ, будто надѣлъ я, какъ маску, картину Гончаровой—«Ангела, стража Софіи дарградской» и синюю, расшитую шелками, китайскую кофту на красной подкладкѣ, поднялъ суконный черный воротникъ и поползъ на четверенькахъ. Слышу, говорятъ:

«Потушите огонь!»

И нѣсколько разъ повторяетъ:

«Потушите огонь».

А я и въ маскѣ, но мнѣ все видно: освѣщенная комната—очень свѣтло, а электричество не горитъ. Стучать. Хочу зажечь, кручу выключатель. Нѣтъ, не горитъ.

И очутился я въ лодкѣ. Море. Синѣ китайской кофты. И солнце. Больно смотрѣть. Лодка летитъ. Слышу:

«Я буду сѣять по небесному полю».

Я посмотрѣлъ черезъ глаза свои назадъ: тамъ облака—облака, ползутъ, какъ тѣ на Невскомъ, перекошенные, передернутые, сухіе, колчепыги, завитнашки.

«Какъ же я буду,—говорю,—сѣять по небесному полю?»

Лодка летитъ.

И впереди, куда летитъ моя лодка—грозовая туча. Туча растеть—ползутъ облака. Вотъ завились облака и, вливая въ пучину великій валъ, погасили свѣтъ.

«Душу вы мою размозжили!»

По утру въ понедѣльникъ (27-го) приходитъ Терентій Ермолаичъ, полотерный мастеръ, по счету получить.

— Ну, что,—говорю,—какъ на Невскомъ?

А онъ смотритъ весело и шинель его солдатская разстегнута.

— Войнѣ конецъ.

Не узнаю, такой хмурый, выпрямился.

Рассказалъ онъ мнѣ, какъ вчерашній день у Знаменской солдатъ одинъ изъ волынскаго полка стрѣльнулъ, да въ свою бабу и угодилъ.

— Спыхватился дуракъ, да поздно. Заплакалъ. Тутъ всѣ и повернули ружья да въ городовыхъ. Какая же война? Все продано.

По обѣдѣ вышелъ я на волю—чего тамъ на волѣ?

А тамъ земля шаталась.

И стѣна вѣковая вотъ-вотъ и рухнетъ.

Пробрался я къ Семеновскому мосту и повернулъ на Фонтанку къ знакомому. Посидѣлъ немного и домой. Выхожу изъ воротъ.

— Матушки, горитъ!—закричала старуха, она шла шаталась съ своимъ шитымъ мѣшкомъ, чиновница.

— Что горитъ?

— Окружной горитъ.

Окружной горитъ! Посмотрѣлъ я вверхъ, а тамъ дымъ длинный идетъ и идетъ.

— Завѣщаніе сгоритъ!—причитала старуха.

И мнѣ представилось, весь Петербургъ горитъ.

— Потушите огонь,—сказалъ кто-то.

А длинный дымъ гуще и упорнѣй—идетъ и идетъ.

— Окружной горитъ и Комендантское!—сказалъ студентъ.

— Потушите огонь!—опять слышу.

— Завѣщаніе сгоритъ!—причитаетъ старуха.

— Предварилка горитъ!—крикнула барышня, раскраснѣвшаяся, бѣжала она по Фонтанкѣ къ Литейному.

Петербургъ горѣлъ—горѣли проклятыя гнѣзда: судъ неправый, война и неволя.

Земля шаталась.

Въ седьмомъ часу зажегъ я лампу, присѣлъ къ столу повѣсть мою оканчивать и вдругъ слышу, точно ребятишки что-то перекатываютъ—шарики. И вотъ опять. Открылъ я форточку. И понялъ, не ребятишки, это у насъ стрѣляли на островѣ.

И туманъ, который завлакивалъ мою душу, разсѣялся, точно эти звуки были свѣтомъ утреннимъ, а сердце, вздрогнувъ, робко дрожало.

И всю ночь я слушалъ.

И какъ будто летѣлъ—съ волною въ грозу.

И мое сердце робко дрожало.

XI.

На своей волѣ.

До разсвѣта всю ночь и съ разсвѣтомъ, какъ ночью, неугомонно—или и конца не будетъ?—на волѣ точно ребятишки что-то перекатывали—шарики.

И отъ этихъ слѣпыхъ игрушечныхъ шариковъ, судъ творившихъ немилостивый, сердце робко дрожало. Стрѣляли по нашей линіи. И казалось, около

дома—въ домъ нашъ стрѣляютъ. Прохожіе и солдаты забѣгали во дворъ и жались подъ аркой. Тутъ же и ребятишки: имъ было очень весело—отъ каждаго выстрѣла они шарахались во дворъ и опять пробирались къ воротамъ—очень весело.

Стоять у окна—если бѣ на волю! Да куда ужъ, и носа не высунешь! Повѣсти моей оставалось конецъ и, благословившись, сѣлъ я писать. И къ обѣду кончилъ—о Антиохѣ царѣ сирийскомъ и Аполлонѣ Тирскомъ.

Во дворъ вбѣжали солдаты: было подозрѣніе, что у насъ на чердакѣ городской спрятался. Я заглянулъ въ окно, а ужъ солдаты ружья подняли, живемъ мы какъ разъ подъ чердакомъ—Господи, прости и сохрани!

Безпокойно было на волѣ.

Яркій былъ день солнечный.

На своей волѣ ходилъ народъ съ темнымъ сердцемъ и сердцемъ открытымъ, съ доброй волей и злымъ умысломъ.

Стояли кучками, слонялись. Ну, какъ на Пасху. И красные лоскутки у всѣхъ пасхальные.

— Теперь нужна еремеевская ночь,—говорить какой-то, Богъ его знаетъ, переплетчикъ и смотреть на молодого солдата съ такимъ бѣлымъ нѣжнымъ лицомъ, какъ у барышни.

Солдатъ не понимаетъ и только чувствуетъ что-то страшное въ этомъ имени—«ночь еремеевская».

— Если Родзянко сказалъ, что такъ надо, значитъ ужъ такъ надо!—отвѣчаетъ онъ растерянно, будто оправдываясь за вчерашній день и прошедшую ночь.

Вдругъ совсѣмъ рядомъ надъ самымъ ухомъ закатились эти шарики и, какъ на зовъ, откуда-то выбѣжали солдаты—ружья на перевѣсь. И было чудно смотрѣть, какъ они бѣжали, и словно не по настоящему, а въ игру такую играли. Они остановились противъ сосѣдняго дома, подняли ружья и ахнули въ окно.

— Все Вильгельмъ,—сказалъ какой-то, пряча руки въ карманы, зябкій,—безъ него ничего бы не вышло. Всѣхъ царей пошибаетъ.

— Какая жъ теперь война!—весело замѣтилъ солдатъ.

— А безъ войны сидѣли бы вы дураками еще тысячу лѣтъ.

Мчится автомобиль—красный флагъ парусить—одни сидятъ, другіе стоятъ, третьи прилегли: ружья на тебя.

А за нимъ другой, весь облѣпленъ и кого только нѣтъ—все красно и пестро.

— Вотъ времячко-то настало,—и вѣрять и не вѣрять баба,—нашъ братъ на муфтабилѣ катается!

— Вокругъ солнца круги были, мужчины говорятъ, никогда не бывало такого!—слышу о знаменіи воскресномъ.

Въ кучкѣ всякъ о своемъ: кто о знаменіи, кто о вчерашнемъ, кто о войнѣ, кто о тощетѣ нашей.

— Вчерашній день выпустили. А онъ и говорить «не достоинъ я жить на свѣтѣ, я убилъ человѣка!» Просить въ тюрьму опять посадить.

— Ой, что было-то! Тутъ хлопаешь, тамъ хлопаешь, надъ головой летитъ. Накладены трупы кучею.

— Съ селедки-то во рту одервенѣеть!—замѣчаетъ кто-то раздраженно.

Съ перваго шага въ бою. Какая жъ война!

— Если Родзянко сказалъ, что такъ надо, значитъ, ужъ такъ надо!

— Штурмана поймали!—съ радостнымъ крикомъ выскочила изъ-подъ воротъ горничная.

И всѣ бросились за ней во дворъ.

Безпокойно было на волѣ.

Иду за народомъ на ту сторону.

И чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и ближе эти перекатывающиеся шарики: тутъ хлопаешь, тамъ хлопаешь, надъ головой летитъ.

Гнали партію городовыхъ. Темная толпа улюлюкала. И какія-то бабы звѣроподобныя налетали: больно руки чешутся.

— Куда это ихъ?

— Да куда-то въ Думу пихаютъ.

Одного городского везли на санкахъ—на такихъ санкахъ кладь возятъ—лежалъ онъ ничкомъ привязанный и разможенная нога его болталась въ крови. Два солдата сидѣли по бокамъ и одинъ изъ нихъ сломаннымъ прикладомъ долбилъ его по шеѣ.

Бабамъ какъ-то посчастливилось, бросились онѣ къ санкамъ—дорвались звѣроподобныя!—и вцѣпились несчастному въ уши.

Безпокойно было на волѣ.

Автомобили съ лежащими солдатами, цѣпившимися въ тебя, автомобили со всякимъ сбродомъ, увѣшеннымъ красными лоскутками, солдаты, бѣгающіе съ ружьями на перевѣсь, словно не по настоящему, и эти перекатывающиеся шарики—одно и то же и на Невскомъ, и на Морской, и на Фоктанкѣ, и на Гороховой.

Пошатываясь, шель навстрѣчу здоровенный солдатъ.

— Какое дѣло,—остановился онъ,—стрѣлять придется.

— Въ кого?—говорю.

— Въ кого прикажутъ.

— Да развѣ можно въ своихъ стрѣлять?

— Вѣрно, нельзя!—и шатаюсь, пошелъ, бормоча.

Безпокойно было на волѣ.

Народъ валилъ къ Думѣ, какъ къ празднику.

На Пушкинской у сквера передъ памятникомъ Пушкина на снѣгу лежалъ какой-то: лица его не было видно, ноги онъ поджалъ къ подбородку, и окровавленной рукой закрывалъ глаза, словно прятался отъ яркаго свѣта.

— Вотъ денекъ,—кричала звѣроподобная,—рубль дала бы, чтобы живого городского увидѣть.

Автомобили съ лежащими солдатами, цѣпившимися въ тебя, автомобили со всякимъ сбродомъ, увѣшеннымъ красными лоскутками, солдаты, бѣгающіе съ ружьями на перевѣсь, словно не по настоящему, и эти перекатывающиеся шарики—одно и то же на Пушкинской и на Загородномъ, и на Забалканскомъ.

— Господи, когда это ссориться перестануть?—сказала простая душа.

Добивали.

И пожары дымили вечеръ. Горѣли участки. И наша Суворовская часть горѣла. То-то ворами пожива и праздникъ.

Съ ночнымъ морозомъ замерзали добитые и недобитые, кто на крышѣ, кто въ проруби, кто въ подвалѣ.

И тѣ, у кого былъ зубъ на сосѣда, выходили въ потемкахъ съ чѣмъ попало своимъ судомъ расправляться.

— Кровь отмщается,—сказалъ кто-то.

— Кому?

— Да кому прикажутъ.

Передо мной стоялъ здоровенный солдатъ, пошатываясь.

Недалеко отъ дому я бросился вмѣстѣ съ другими подъ ворота: видно, еще не добились и вотъ опять—или кто такъ, здорово живешь, попугать.

Я прошелъ во дворъ. Въ сторожкѣ горѣлъ огонекъ. Тихонько отворилъ дверь—пить мнѣ очень хотѣлось.

Передъ образомъ горѣла лампадка. Двѣ женщины сидѣли у стола, одна ужъ немолодая, дворничиха, должно быть, а другая совсѣмъ молодая. Дворничиха рассказывала, какъ вчера странникъ старичокъ приходилъ къ купцу.

— Вывелъ старичокъ его во дворъ: «посмотри, говоритъ, Тимофей, что видишь?» А Тимофей-то Яковлевичъ какъ глянулъ и видитъ, ровно море на небѣ, вода льется. «Воду вижу, дѣдушка». «Это потопъ будетъ!» Постояли немного. И опять старичокъ: «Посмотри еще, что видишь?» Тимофей Яковлевичъ посмотрѣлъ на небо, а небо, какъ огонь, горитъ и падаетъ огонь. «Огонь вижу, дѣдушка». «Огонь и падаетъ на землю».

И зашептала дворничиха, ничего разобрать не могу: должно быть, еще что-то показывалъ странникъ, страшное что-то.

— Ой, Господи, Никола милостивый!

— «Что видишь?» — продолжала дворничиха внятно, — а Тимофей Яковлевичъ посмотрѣлъ на небо: «Хорошо, говоритъ, дѣдушка, такъ хорошо!» «Ну, и хорошо будетъ на Руси, другъ, да не дожить намъ до этого времени».

Со вспугнутымъ сердцемъ, какъ передъ бѣдою, и трепетно—«хорошо на Руси будетъ!»—я вышелъ.

На улицѣ было пустынно, только солдаты.

— Къ Кривоносову, тамъ погрѣмся!—кричалъ солдатъ у нашихъ воротъ, скликавая солдатъ.

ХІІ.

Красный звонъ.

Исшедшій изъ гроба, повить пеленами, нѣмъ—стою у разбитой надгробной плиты, исшедшій изъ гроба.

Сердце, какъ молотъ.

Слова запеклись.

* * *

Лѣсною тропкой, мостикомъ изъ живыхъ жердинокъ черезъ болото по сходямъ и крѣпямъ тянется странникъ по дремучей Руси.

Сгорбленный, скуфья на глаза, бѣлѣсыя космы, безликий, посохомъ пылитъ странникъ по дремучей просторной Руси.

— Странникъ, куда ты пошелъ?

Сумракъ палъ на дорогу. Мерзлый паръ заключилъ наши блѣдныя звѣзды. Въ блѣдныхъ звѣздахъ въ туманѣ смѣло идетъ.

— Странникъ, куда ты?

* * *

Градъ святого Петра!

Полюбилъ я дворцы твои и площади, тракты и лиліи, острова и мосты, и каналы, твою полноводную

суровую Неву-рѣку и Лавру заключенную, съ одинокимъ завѣтнымъ памятникомъ огненной скорби Достоевскаго, твои блѣдные мостки на Волковомъ—могилы совѣсти русской, твои тѣсныя колтовскія улицы, твои ледяныя бѣлыя ночи, твои зимніе желтые туманы, твою осень безконечную болотную съ одинокимъ тонкимъ деревцомъ, сквозь сонъ въ госпиталѣ мнѣ пригрезившимся, твои сны-то свѣтныя, твою боль безысходную.

Полюбилъ я страстные огни—твои огоньки четверговые на Казанской площади и въ стальныя крещенскія ночи гулъ колокольный отъ Мѣднаго Всадника.

Обездолити, отреклись отъ твоего имени—чья это лесть? кто покривилъ? съ дури? или безумье?—отреклись отъ апостола, имя святое твое промѣняли на человѣческое: изъ града святого Петра—пѣтухомъ Петроградомъ сдѣлали.

И отступили силы небесныя, загнузилась на вышкахъ твоихъ черная сила.

Разбить камень Петровъ.

Камень огнемъ пыхнулъ.

И стоишь ты въ огнѣ—суровая Нева течетъ.

* * *

Бѣлымъ поясомъ серебрянымъ изъ края въ край все небо опоясано.

О-бокъ солнца Божьяго въ алой радугѣ два багряныхъ новыхъ солнца и еще два алыя, какъ печати солнечныя, изъ бѣло-алой радуги. И по поясу серебряному противъ солнцъ пять бѣлыхъ солнцъ.

А надъ солнцемъ Божьимъ, выше солнцъ и алой радуги вѣнецъ.

Вижу знаменіе небесное, глазамъ не вѣрю.

— Ты, солнце Божіе, вы, солнца новыя, о какомъ вы чудѣ міру возвѣщаете?

Или знамя ваше—персть?

* * *

Мать Государыня, Госпожа Великая Россія, родина моя просторная, терпѣливая и безмолвная.

Зацвѣли твои бѣлыя сугробныя поля цвѣтомъ алымъ, громкимъ.

По бездорожью дремучему дорога пролегла.

Темныя темницы стоятъ настезь—замки сломаны.

Или горе зло-кручинное безоглядно въ лѣса ушло?

Или горе зло-кручинное до поры въ подземельѣ запряталось?

Твоя плаха горькая на избы разобрана, кандалы несносные на легкія пули повылиты, а палачъ въ чернецы пошелъ.

Мать Государыня, Госпожа Великая Россія, родина моя просторная, терпѣливая и безмолвная.

Зашаталась русская земля—смутенъ часъ.

Ты одна стоишь—на головѣ терновъ вѣнокъ, ты одна стоишь неколебимая. По твоему лицу кровавые ручьи текутъ. И рубаха твоя бѣлая, какъ Христова багряница царская.

Госпожа Великая Россія, это кровью твоей залѣли бѣлыя поля твои, слышу, темное пробирается, тайкомъ ползетъ по лѣсамъ, по зарослямъ горе зло-кручинное, кузнецы куютъ оковы тяжче тяжкія.

Мать Государыня!

Прими насъ, вѣрныхъ, прими и отчаявшихся, стойкихъ и шаткихъ, бодрыхъ и немощныхъ, прими кровныхъ твоихъ и пришлыхъ къ тебѣ, прими насъ всѣхъ отъ мала до велика, —ты одна неколебимая! — изъ гари и смуты выведи на бѣлый вольный свѣтъ.

* * *

Я стою въ чистомъ полѣ. Чистое поле—пустыня. Я стою въ чистомъ полѣ—вѣтеръ вѣетъ въ пустыню: тамъ на закатѣ грѣмъ и топъ, стучить желѣзо.

Я припалъ къ сырой землѣ.

— Мать сыра земля, врагъ у воротъ!

Слышу кроткое сердце:

— Господь не допуститъ.

Въ копотномъ небѣ черномъ вьется надъ Русью крылатый—крылье, какъ зарево, хвостъ, какъ пожаръ.

Наскочья нога мнѣ ступила на сердце.

Духъ захватываетъ.

Раскалена душа.

— Други, выше и самага высшаго подвига въ смутный и гнѣвный, лживый сей вѣкъ память о колыбели, кроткое слово и самая малая ласка.

* * *

Среди дебри изъ темной тьмы загорѣлся огонекъ въ лѣсу.

Собирались души страдныя—велика тоска предъ лампадою за тебя, моя родина.

Тамъ за темною тьмой въ пустынь дрянной дума крѣпкая предъ лампадою, какъ быть и стоять тебѣ, земля моя.

И я жду—какъ станетъ листь на деревѣ размѣтываться, загудитъ весенний шумъ, вѣсть подасть изъ-за озера, зазвенитъ тогда въ Кремлѣ серебряный ясакъ, кликнетъ кличъ въ ревуть-колоколь.

Вы рѣшите, братья мудрые и совѣтные, отъ земли и городовъ со всей Руси, судьбу земли моей, нарядите ее, нашу мать Государыню, Госпожу Великую Россію, изстрадавшуюся, но неколебимую.

Алексѣй Ремизовъ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Статья Бориса Кремнева.

Я пишу эти строки въ пятницу 22 декабря. Завтра въ типографіи уже не работаютъ, и этотъ номеръ «Народоправства» выйдетъ къ Новому Году. Богъ знаетъ, что произойдетъ за эти десять дней. Подводить итоги 1917 году еще невозможно. Событія не считаются съ календаремъ и послѣднія слова всероссійской трагедіи еще не сказаны. Когда мы услышимъ эти послѣднія слова, только тогда мы оцѣнимъ по настоящему смыслъ совершившагося; только тогда мы можемъ сказать, была ли русская революція въ самомъ дѣлѣ великой или, напротивъ, она была самой ничтожной, жалкой и темной изъ всѣхъ революцій, совершавшихся въ вѣкахъ.

Я вовсе не склоненъ, какъ это принято въ интеллигентскихъ кругахъ, умалять значение и значительность Россіи, но еще менѣе я способенъ обольщать себя надеждою, что Россія, обезсиленная интригами германскихъ агентовъ и предательствомъ международныхъ паразитовъ, можетъ диктовать міру условия для будущаго устройства социальныхъ и международныхъ отношеній.

Чтобы вліять на міръ, надо быть самому сильнымъ, но сейчасъ ставится вопросъ даже не о томъ, сильна будетъ Россія или не сильна, а о томъ—быть Россіи или не быть вовсе.

Худо, если мы станемъ рѣшать этотъ вопросъ по-гамлетовски. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ революціи мы этими гамлетами насладились въ полной мѣрѣ. Мы могли бы себя утѣшать сознаниемъ, что среди насъ есть за то донъ-кихоты, но, къ сожалѣнію, наши рыцари печальнаго образа—опять въ подпольѣ, а на виду у всѣхъ стоятъ люди совсѣмъ не рыцарскаго склада и характера.

Въ какомъ положеніи находится сейчасъ страна? По своимъ вѣдшимъ условиямъ разительно ея сходство съ Русью начала XVII вѣка: тотъ же развалъ внутри, тѣ же самозванцы, вражеское нашествіе, голодъ, одичаніе, погромы, грабежи... И если на-

шлись тогда такіе люди, какъ Ермагенъ, которые спасли Россію, то едва ли есть основаніе и намъ отчаиваться въ будущемъ русскаго народа.

Но чтобы спасти Россію, надо трезво взглянуть на наше политическое положеніе и безстрастно его оцѣнить. Дѣлать это приходится, стиснувъ зубы, но такъ надо, ничего не подѣлаешь.

Прежде всего надо сознаться, что не существуетъ нынѣ всероссійскаго правительства. Засвидѣтельствовать это надо не ради полемики съ господами «народными» комиссарами, ибо не до полемики теперь, а совершенно объективно, такъ сказать, изъ любви къ точности и фактамъ. Всероссійскаго правительства нѣтъ, потому что сама Россія находится въ процессѣ становленія, какъ выражаются философы. Власть такъ называемыхъ комиссаровъ мнимая власть. Она даже не обладаетъ тѣмъ авторитетомъ, какимъ пользовался французскій конвентъ. Гдѣ границы этой эфемерной власти? Не только весь Югъ и Востокъ внѣ сферы вліянія Совѣта Комиссаровъ, но даже въ центрѣ это вліяніе ничтожно, потому что въ рукахъ этого съ позволенія сказать «правительства» нѣтъ никакихъ средствъ для какой-либо творческой работы. Наемники, вооруженные наспѣхъ винтовками, и дезертиры-трусы едва ли могутъ помочь комиссарамъ укрѣпить ихъ власть и упрочить положеніе. Нѣтъ и грамотныхъ людей, готовыхъ подчиниться неграмотной социально-политической программѣ, сочиненной глупыми или преступными людьми.

Поистинѣ положеніе Германіи не такъ ужъ пре-красно, если она рѣшилась на «переговоры о мирѣ» съ подобнымъ «правительствомъ». Правда, изъ этихъ переговоровъ, повидимому, ничего не выйдетъ, но торжествующіе нѣмецкіе генералы все-таки оказались въ смѣшномъ положеніи, и это наглое торжество таитъ въ себѣ, быть можетъ, психологію отчаянія.

Трудно предсказывать, разумѣется, исходъ войны, при условіи, когда изъ игры вышла такая сила, какъ

Россия, но есть основание думать, что наши мужественные союзники не позволят Гогенцоллерну править веселую тризну на развалинах Бельгии, Франции, Италии и Сербии.

Что касается условий мира, предложенных намъ Германией, то, пожалуй, они представляютъ лишь психологическій интересъ. Обращаетъ на себя внимание вторая статья, въ которой буквально сказано слѣдующее: «Такъ какъ русское правительство въ соответствии своимъ принципамъ уже провозгласило для всѣхъ безъ исключенія народовъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, право на самоопредѣленіе вплоть до полного отдѣленія, то оно (?) принимаетъ къ свѣдѣнію рѣшенія, въ коихъ выражена воля народа: о стремленіи Польши, Литвы, Курляндии и части Эстляндии и Лифляндии къ полной государственной самостоятельности и къ выдѣленію изъ русскаго государства. Русское правительство признаетъ, что эти заявленія при надлежащихъ условіяхъ надлежитъ разсматривать какъ выраженіе народной воли и готово сдѣлать вытекающей отсюда выводъ».

Я штирую эту статью по газетѣ «Власть Народъ» (среда 20 декабря 1917 г.) и — ей Богу — у меня является сомнѣніе, не вкралась ли опечатка въ текстъ этой статьи. О какомъ «русскомъ правительствѣ» говоритъ официальный германскій документъ? Можетъ быть, здѣсь идетъ рѣчь о правительствѣ «прусскомъ»? Въ смыслѣ дѣлѣ, я полагаю, что «народные» комиссары могли дѣлать все, чтобы Германия представила случай нанести это оскорбленіе Россіи; я допускаю, что на эту тему господа комиссары могли бесѣдовать приватно съ представителями буржуазно-клерикальнаго правительства Пруссіи, — но то, что Германия позволила себѣ такъ цинично раскрыть карты — кѣмъ мѣченныя? это я отказываюсь понять.

Тутъ кто-то что-то напуталъ. Недаромъ отданъ приказъ казеннымъ перьямъ, и сфицозы Совѣта Народныхъ Комиссаровъ торопливо пишутъ о *непріемлемыхъ* для Россіи условіяхъ, продиктованныхъ Германией.

Газеты очень интересуются нравственными качествами нашихъ «правителей», но я не любопытенъ, и мнѣ рѣшительно все равно по какимъ мотивамъ эти люди предали Россію. Думать надо, мнѣ кажется, о нашихъ собственныхъ нравственныхъ обязательствахъ передъ родиною и міромъ.

Армія находится въ состояніи предѣльнаго разложенія; транспортъ разрушенъ; «демобилизація» военной промышленности совершилась; разрушеніе прочихъ отраслей промышленности, благодаря параллелю кредитныхъ операций, внѣ сомнѣній; миллионы безработныхъ выброшены на улицу; города центральной Россіи голодаютъ; юстиція замѣнена застѣнкомъ; свобода печати, собраній и союзовъ отмѣнена; дѣло «народныхъ» комиссаровъ сдѣлано — Германия можетъ предпринять по отношенію Россіи все, что ей угодно. При чемъ тутъ разгосоры о мирѣ? Съ кѣмъ ей «заключать миръ»? Все сдѣлано «въ соответствии принципамъ» (б. р. т. н. е. — коммунистовъ).

Полагаю, что «народные» комиссары пожелаютъ какъ можно скорѣе уйти со сцены. Имъ уже дѣлать

больше нечего. Вотъ развѣ закончить свои операціи въ банкахъ.

Вѣроятно, поэтому они теперь *спѣшатъ* назначить срокъ для Учредительнаго Собранія — пятое января. Отвѣтственность за всероссійскій позоръ они готовы сложить съ себя, передавъ плодъ своей работы социалистамъ-революціонерамъ, которые составятъ въ Учредительномъ Собраніи большинство.

Впрочемъ, исторія не всегда логична. Быть можетъ «комиссары» пожелаютъ еще помедлить около русской казны. По крайней мѣрѣ «Дѣло Народъ» напечатало слѣдующій «запросъ» Совѣту Народныхъ Комиссаровъ:

«Мы получили свѣдѣнія о томъ, что въ Смольномъ подъ большимъ секретомъ разрабатывается и, быть можетъ, въ настоящее время уже составленъ декретъ, обвиняющій членовъ Учредительнаго Собранія фракціи эсеровъ въ организационномъ возстаніи противъ власти совѣта народныхъ комиссаровъ и въ срывѣ переговоровъ съ нѣмцами о мирѣ, при чемъ указывается, что пріѣхавшіе въ Петроградъ с. - р. для этого и посланы сюда украинской радой.

Предстоятъ массовые аресты членовъ Учредительнаго Собранія, какъ с. - р., такъ и украинцевъ, при чемъ арестованныхъ будетъ такое количество, сколько необходимо для того, чтобы не составилось надлежащаго для открытія Учредительнаго Собранія кворума. Аресты должны быть произведены въ ближайшіе дни.

Цѣль этого плана — сорвать Учредительное Собраніе, судьба котораго въ Смольномъ уже рѣшена.

Таково сообщенное намъ свѣдѣніе, опубликовать которое мы считаемъ своимъ долгомъ. Продолжающійся терроръ и уже совершенные аресты эсеровъ, членовъ Учредительнаго Собранія, заставляютъ съ довѣріемъ отнести къ правдоподобности оглашеннаго выше плана уничтоженія Учредительнаго Собранія.

Мы дѣлаемъ запросъ совѣту народныхъ комиссаровъ, извѣстенъ ли ему заговоръ противъ Учредительнаго Собранія и какъ онъ къ нему относится. Мы ждемъ немедленнаго и опредѣленнаго отвѣта.

Всѣ эти «запросы» и возможные «отвѣты» едва ли будутъ реальны. Идея Учредительнаго Собранія въ такой мѣрѣ скомпрометирована стараніями большевиковъ, что питать надежду на признаніе народомъ этого новаго фантома власти надо съ большою осторожностью.

Повидному, судьба Россіи зависитъ теперь отъ органической тяги крайнихъ къ центру, отъ роковой борьбы, которую съ оружіемъ въ рукахъ ведутъ племена Россіи за право вновь соединиться въ единую семью на федеративныхъ началахъ, игнорируя самозванцевъ, для которыхъ Россія лишь «солома», — она имъ нужна, чтобы зажечь «всемирный пожаръ». Но Россія — океанъ, а не солома. И, пожалуй, господа правители наши сыграютъ роль той сѣницы, которая, какъ извѣстно, мечтала зажечь море, но «со стыдомъ въ-себяси уплыла».

«И дѣлала сѣница славы,
А море не зажгла».

Борисъ Кремневъ.

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЛДАТЪ ВЪ НЫНѢШНЮЮ ВОЙНУ.

Henri Barbusse. Le feu. Journal d'une escouade.

Книга эта, удостоенная премии Гонкура, расходится въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. И неудивительно: она вышла изъ подъ пера большого мастера слова, очевидца и участника нынѣшней войны. Разсказъ ведется отъ лица одного изъ тѣхъ «мохнатыхъ» (poilus) рядовыхъ солдатъ, съ которыми и авторъ дѣлитъ всѣ лишения и всѣ ужасы окопной жизни. Изошренность его наблюдательности и мастерство въ передачѣ какъ внѣшнихъ явленій природы и быта, такъ и внутреннихъ переживаній человѣка, поскольку они ощутимы во внѣ,—свидѣтельству о той школѣ виртуозовъ слова, которую выработало послѣднее столѣтіе французскаго романа. Въ наше время батальная живопись Бейля-Стендаля, военнаго интенданта Наполеоновскихъ походовъ, впервые изобразившаго будничную сторону войны, настолько же превзойдена новымъ романомъ, насколько за эти сто лѣтъ усовершенствована техника самого военнаго дѣла. Въдѣ послѣ Стендаля французы имѣли, кромѣ Балзака съ его обширнымъ знаніемъ жизни, и Флобера съ безстрашиемъ его объективизма, и натуралистовъ съ ихъ кристальнымъ изученіемъ быта во всѣхъ классахъ общества, и психологовъ-символистовъ съ ихъ исканіями религиозныхъ и философскихъ началъ жизни. Они не прошли и мимо нашихъ колоссовъ Толстого и Достоевскаго. Воспитанный такою школою талантъ б. м. и не особенно крупныхъ размѣровъ, можетъ подарить публикѣ красиво сдѣланную интересную книгу—картину военнаго дѣйствія и окопнаго бездѣйствія. Но если при этомъ авторъ самъ за одно съ народной массой переживаетъ трагизмъ мировой войны и умѣетъ въ своемъ изображеніи отгнать этотъ трагизмъ неизякаемымъ остроуміемъ своего народа и собственнымъ юморомъ; если при этомъ онъ невольно заражаетъ насъ не только своими сомнѣніями, скорбью и горечью отъ всего происходящаго, но и надеждами на будущее,—то дневникъ его отряда получаетъ кромѣ литературной цѣнности еще и широко-общественное значеніе.

А картина дѣйствительно ужасающая. Никакихъ иллюзій военной славы, героическихъ подвиговъ, благородства рыцарскихъ чувствъ и т. п. авторъ не даетъ. Нѣтъ и сентиментальнаго пасифизма во имя отвлеченной гуманности. И еще менѣе фанфаръ, трубъ и барабановъ того ура-патриотизма, съ которымъ, какъ съ пережитками прошлаго, человечеству, по мнѣнію автора, предстоитъ еще долгая борьба, пока не исчезнетъ окончательно гипнозъ милитаризма. У него не тѣ будни войны, при которыхъ подразумевается и *праздникъ*, т. е. красивая показная ея сторона. Тутъ все—грязно, гнусно, отвратительно... Вотъ отдѣльная фигура, прекрасная, по выраженію автора, какъ мраморное изваяніе, Бертрана, начальствующаго пада въ взводѣ. Это—воплощеніе нравственной идеи долга передъ родиной и человечествомъ. Наиболѣе сознательный ихъ солдатъ, онъ—убѣжденный социаль-демократъ, поклонникъ Либкнехта. Очерченъ онъ мимоходомъ и то передъ самымъ своимъ концомъ. Мужество, сдержанность, постоянная ясность духа и спокойствіе энергии даютъ его власти въ непосредственномъ соприкосновеніи съ рядовыми тотъ нравственный авторитетъ, въ силу котораго въ его отрядѣ нѣтъ ни дракъ, ни пьянства. Какъ истинный герой, онъ въ своей невидной роли исполняетъ больше, чѣмъ свой долгъ. Умираетъ онъ наряду съ другими въ одну изъ атакъ, гдѣ неприятельскій огонь дѣйствуетъ съ неотвратимостью стихій, гдѣ первые ряды атакующихъ идутъ на почти вѣрную гибель. И вотъ зловѣщая насмѣшка войны: трупъ идейнаго благороднаго борца снаряды придали видъ какого то нелѣпаго паяца, съ жестами и гримасами, обезображивающими и личность человѣка и самое достоинство смерти. Символъ этой войны—не Верещагинская пирамида череповъ, а груды нагроможденныхъ труповъ въ разныхъ степеняхъ разложенія, оторванныхъ членовъ, развороченныхъ внутренностей... И все затоптано въ грязь ногами новыхъ тутъ же падающихъ жертвъ...

Существованіе живыхъ людей на войнѣ имѣетъ въ себѣ такъ же мало благообразія внѣшняго и внутренняго, какъ и положеніе необрунанныхъ мертвецовъ. Взводъ, описанный Барбуссомъ, состоитъ изъ рядовыхъ, призванныхъ со всѣхъ сторонъ Франціи, и ни одного интеллигента между ними. Тутъ и

южанинъ, провансалець, мечтающій о своемъ виноградникѣ, и земледѣлецъ изъ Нормандіи и углекопы, уроженцы той мѣстности, гдѣ они сидятъ въ окопахъ и гдѣ хозяйничаетъ уже врагъ,—и уроженецъ Парижскаго предмѣстья, разсыльный велосипедистъ одного изъ большихъ магазиновъ Парижа, насмѣшникъ и зубоскаль,—и канцелярскій служитель—и содержатель кабака въ глухой провинціи—люди разныхъ привычекъ, темпераментовъ, характеровъ, профессій, но всѣ уравниены военнымъ бытомъ. Тутъ не только «пуля летаетъ, всѣхъ равняетъ». Тутъ всѣ уравниены еще лишениями и бѣдствіями окопной жизни. Эти солдаты теперь ужъ не люди—молодые, сильные, занятые своимъ тяжелымъ или легкимъ трудомъ,—своими семьями, своею собственностью. Это—*бывшие* люди, опустившіеся на дно и въ пестрыхъ нарядахъ покрытые одинаковымъ слоемъ грязи, насѣкомыхъ... Авторъ ихъ уподобляетъ пещернымъ людямъ, троглодитами, питекантропамъ... Живутъ они элементарною мыслью о томъ, чтобы быть совершенно накормленными, напоенными, прикрытыми отъ непогоды, отъ снарядовъ. Живутъ ожиданіемъ то пищи, то отдыха, то приказовъ, направляющихъ ихъ работы и передвиженія. Къ ураганному огню и грохоту орудій за 15 мѣсяцевъ они такъ привыкли, что не слышатъ его, и запаховъ отвратительныхъ какъ будто не замѣчаютъ. Смыслъ такого существованія имъ не ясенъ, сколько они ни пробовали о немъ думать. Врагъ на родной землѣ. Родину надо защищать. Ихъ призывали. Они пошли, окопались, ждуть и идутъ умирать, когда посылаютъ, идутъ на ночное рытье новыхъ окоповъ, идутъ подъ нацупывающимъ ихъ свѣтомъ ракетъ, подъ выпускаемыми на нихъ снарядами... безъ мысли, безъ чувства, по слѣпому инстинкту: такъ надо. Буйныхъ порывовъ ненависти къ врагу, ослѣпленія злобой, гнѣвомъ, или стремительной лихости и «цвѣтныхъ дивизій» Марокканцевъ и др. колониальныхъ войскъ—эти обыватели не знаютъ. Они и подъ мундирами простые обыкновенные люди,—земледѣльцы, рабочие, торговцы, ремесленники и т. п. Раздраженіе и возмущеніе въ нихъ вызываетъ развѣ только нѣмецкій, особенно титулованный офицеръ своею сухостью и высокомеріемъ. А рядовой «бошъ»—«онъ, вѣдь, пошелъ, какъ и мы пошли». И эти люди покорно подставляютъ все свое тѣло, принесутъ всю свою жизнь подъ смертоубийственный огонь, прежде чѣмъ начать рѣзать и убивать. Они не только не бандиты и не дикари; они даже и не возбуждены, когда идутъ въ бой, несмотря на всѣ внушенія, которыми ихъ напутствуютъ. Они не опьянены ни физически, ни нравственно. Въ полномъ обладаніи своей силы, здоровья и силы сознанія они идутъ готовые отдаться тому безумно, которое навязано имъ безуміемъ всего человечества. Въ ихъ неподвижности и молчаніи есть и страхъ, и прощаніе съ жизнью, и надежда; и все это сквозитъ сквозь маску спокойствія, которая нечеловѣческими усилиями держится на лицѣ. И идутъ они въ огонь, движимые однимъ только желаніемъ—невредимыми добраться до неприятельскаго окопа. И вотъ тутъ то, когда они войдутъ въ окопъ, ими и овладѣваетъ демонъ убійства и уничтоженія. Тутъ-то они уже не помнятъ себя: въ рукопашной схваткѣ,—съ ножами и гранатами, они упиваются кровью, какъ дикари. Разъ преодоленъ инстинктъ,—остановиться нѣтъ уже возможности: надо продвигаться все дальше впередъ, лишь бы взять проклятый несмолкающій пулеметъ. Онъ, наконецъ, взять, окопъ занятъ и возбужденіе падаетъ. Люди ничего уже не чувствуютъ, кромѣ усталости, невѣроятной, непомерной усталости. Къ ней присоединяется потомъ и чувство стыда. «Мы были, какъ животныя, какъ дикіе звѣри,—это ли не несчастье!—повѣрятъ ли этому потомъ, дома, когда мы расскажемъ?»—Поскорѣй бы это кончилось. Поскорѣй бы вернуться».

Сидя въ окопахъ, осмысливать происходящее некогда, да и не зачѣмъ: надо ждать приказаній, надо исполнять ихъ,—иначе дисциплина грозитъ разстрѣломъ. Не помышляя о завтрашнемъ днѣ, надо жить сегодняшней заботой: какъ бы изловчиться и устроиться поудобнѣе среди всѣхъ лишений бѣдственной обстановки. И наконецъ, есть мысль, заглушающая всѣ остальные: какъ бы мнѣ избѣгнуть гибели, грозящей отовсюду.—Дикій, животный эгоизмъ. Онъ господствуетъ не только въ бойнѣ, въ уничтоженіи сопротивляющагося въ

силу того же инстинкта врага,—онъ заглушаетъ всѣ человѣческія чувства, побѣждаетъ даже усталость. Вотъ возвращается послѣ боя отрядъ; понесши огромныя потери: изъ троихъ погибъ одинъ. Они радостно возбуждены, какъ будто упоены побѣдой, славой, сияютъ. А гдѣ такой то? Или такой-то? Лица омрачаются: одной жизнью жили съ погибшими, сроднились, ихъ убыль ощущается, какъ потеря части самихъ себя, но жалѣть, скорбѣть о товарищахъ будутъ потомъ, а теперь пока животная радость, слѣпой стихійный инстинктъ все преодолеваетъ: я то сегодня цѣль! Мой-то чередъ еще не пришелъ! Хотя небольшая, да дана, мнѣ отсрочка, хоть до завтра. И я ликую и не могу не радоваться своей удачѣ.

Въ непогоду, дождь, грязь, сырость, холодъ, люди томятся тоской въ ожидании или приказовъ, или ѣды, или писемъ и газетъ; отъ скуки переругиваются, вспоминаютъ все то, отъ чего они оторваны—и это мастерски передано въ романѣ. Неудобства и лишения испытываютъ люди и на отдыхѣ, на постахъ въ ближнемъ тылу, въ селлахъ и городкахъ. Въ домахъ мѣста всѣмъ не хватаетъ: надо мучиться поисками жилья, довольствоваться сараями, ригами, прачешными; промышленятыя продовольствіе, хлопотать о винѣ, наталкиваться на алчность обывателя, который богатѣетъ войной. И тутъ та же забота о самыхъ элементарныхъ потребностяхъ существованія, и тутъ также довольствуются малымъ, живутъ минутой, настоящимъ, благо оно сколько-нибудь переносимо, не грозитъ неминуемой бѣдой. Люди утѣшаются пустяками, напр. случайными ненужными вещами, попавшими имъ въ руки.

Людей, далеко ушедшихъ отъ своей нормальной жизни и возвращенныхъ къ самымъ примитивнымъ человѣческимъ чувствамъ,—ничто такъ не возмущаетъ и не оскорбляетъ, какъ отношение къ нимъ тыла; главное, тѣхъ, кто числится военнымъ, носить мундиръ и никакой опасности не подвергается. Военная бюрократія, огромное количество официальной переписки, множество молодежи ею занятой, стучащихся на пишущихъ машинахъ и свысока смотрящихъ на «мохнатыхъ»—вотъ что вызываетъ негодование раненаго, вернушагося по излеченіи въ свой отрядъ. И это непониманіе тыла и армии производитъ иногда неожиданное странное впечатлѣніе. Напр.: отрядъ пришелъ на отдыхъ въ городъ. Солдаты заходятъ въ кафе. Все свѣтлое, праздничное, нарядное сперва смущаетъ ихъ, но скоро они приходятъ къ мысли, что къ чистому и хорошему можно снова и очень легко привыкнуть. Съ ними заводятъ разговоръ о томъ, что они претерпѣваютъ въ окопахъ. Война, несмотря на печать, на корреспонденци и иллюстраци, все-таки представляется обывателю въ банальныхъ формахъ показнаго геройства, въ видѣ людей умирающихъ съ крикомъ «Vive la France!» и съ улыбкой на устахъ. А замучившийся въ окопахъ «мохнатый», не находившій послѣ боя никакого удовольствія кромѣ животной радости самосохраненія,—тутъ, въ обывательской здоровой обстановкѣ, не имѣетъ мужества сознаться и отречься отъ дѣйствительности. Онъ готовъ признать, что описанія преувеличены, что живется имъ не такъ ужъ плохо... Имъ стыдно своего убожества пещерныхъ людей, стыдно грязи и крови, стыдно той власти звѣринныхъ импульсовъ, которая движетъ ими. А за отреченіемъ слѣдомъ идетъ раскаяніе въ формѣ негодованія на тылъ. Страна представляется имъ раздѣленной на двѣ половины, на счастливыхъ и несчастныхъ. Счастливые, живя спокойно, нормально жизнью въ тылу, не понимаютъ и не цѣнятъ тѣхъ, кто находится въ исключительныхъ и невыносимыхъ, казалось бы, для человѣка условіяхъ. И озлобленіе несчастныхъ—совершенно естественно, даже, когда имъ льстятъ, толкуютъ объ ихъ героизмѣ и т. п. Счастливые все-таки не чувствуютъ ихъ заслугъ и несправедливости къ нимъ судьбы...

Впрочемъ, какъ бы жестоко война ни угнетала солдата и ни подавляла его высшихъ человѣческихъ инстинктовъ, природная доброта, нѣжность, самоотверженность рисуются Барбюссомъ и въ этомъ быту. Еще поразительнѣе въ человѣкѣ, испытанномъ судьбою, неискоренимая надежда на будущее. Солдатъ посѣщаетъ деревню, откуда онъ родомъ, и въ отчаяніи отъ опустошенія, произведеннаго неприятельскимъ огнемъ. Ничего тамъ и не узнаешь: все взрыто снарядами, исковеркано, засыпано обломками, мусоромъ; отъ деревьевъ торчатъ только высокіе пни, остальное расщеплено и разбросано. Дома нѣтъ, обрабатываемой земли, сада нѣтъ. Корни, которыми питается любовь крестьянина къ мѣсту рожденія, порваны. Даже и семьи уже нѣтъ: жена и ребенокъ очутились въ деревнѣ, занятой неприятелемъ. Солдату удалось съ величайшимъ рискомъ пробраться туда, взглянуть издали на жену. И то, что онъ увидалъ въ окно, насилу выдержала его душа. Жена его спокойно улыбалась тому, что говорили нѣмецкіе унтеръ-офи-

церы, ребенокъ тянулся на руки къ нимъ, а вдова убитаго товарища, несмотря на свой трауръ, кокетничала... Возмутился онъ мирною картиною, спокойной улыбкой жены въ то время, какъ онъ... Но скоро одумался: вѣдь все это такъ естественно, такъ въ порядкѣ вещей, молодость, жизнь должна брать свое. Война кончится, семьи возстанутъ и крестьянинъ уже увидитъ, какъ на старомъ мѣстѣ отстраивается снова родная деревня. Сильный здоровый, красивый, онъ не можетъ не надѣяться. Но дождаться осуществленія надеждъ ему не суждено: въ первомъ же выступленіи, послѣ экскурсіи въ родную деревню, снарядомъ ему отрываетъ голову.

Надежда на будущее преобладаетъ и у самого автора, несмотря на всю мрачность живописуемой имъ дѣйствительности. Мѣсто не позволяеть мнѣ остановиться на многихъ характерныхъ чертахъ его картины. Краснорѣчивы, наприимѣръ, сцены на перевязочномъ пунктѣ въ окопѣ. Здѣсь поразителенъ рассказъ раненаго летчика, котораго преслѣдуетъ впечатлѣніе видѣннаго имъ сверху молебствія въ 2-хъ враждебныхъ лагерьяхъ. «Съ нами Богъ!» слышитъ онъ отъ обѣихъ сторонъ. Но съ кѣмъ же Богъ? Какъ онъ допускаетъ это? Какъ принимаетъ. Онъ эти молитвы? Горячно отдается раненый этимъ мыслямъ, онъ не можетъ отдѣлаться отъ потрясшаго его зрѣлища молитвъ.

Не одни противорѣчія, не одно обиліе ужасовъ боины и разгула животныхъ страстей даетъ война. Въ ней есть и громадная напряженность человѣческой мысли. Авторъ заставляетъ насъ присутствовать при погрузкѣ армии на поѣзда желѣзной дороги. Видишь колоссальность прекрасно сложеннаго аппарата, чувствуешь грандиозныя усилія коллективнаго ума, этотъ аппаратъ направляющаго, и понимаешь, что каждый солдатъ, какъ отдѣльная единица, долженъ, какъ песчинка въ морѣ, утонуть въ сложности этого механизма. Понимаешь, что участвуя въ его дѣйствіи, трудно обнять его мыслью, понять его мировое значеніе,—и что та мало сознательная масса, которая покорно идетъ въ огонь, отказывается осмыслить свою покорность. Такъ надо. Сколько ни думай—такъ надо.

Такъ надо!—думаетъ и сознательный социаль-демократъ Бертранъ, ведя свой отрядъ въ бой. Такъ надо—для будущаго. Какъ посмотреть на насъ тѣ, кто будутъ жить послѣ насъ? Мы не знаемъ, какъ взглянуть они на эти боины. Вѣдь мы и сами не знаемъ, кто мы. Герои въ духѣ Плутарха и Корнеля или—простые апаши? Дѣломъ будущаго будетъ стереть это настоящее, какъ нѣчто позорное и отвратительное. А между тѣмъ оно должно же быть. Стыдъ военной славы. Стыдъ ремеслу солдата, которое превращаетъ человѣка или въ глупую жертву, или въ низкаго палача. Да, стыдъ. Это—правда истинная, но правда еще не для насъ. Еще не написана та книга правды, которая сдѣлаетъ другія истины намъ понятными и доступными. До этого намъ еще далеко. А въ настоящую минуту эта правда—почти что заблужденіе. Святая истина—кощунство.

Впрочемъ, массовый, рядовой человѣкъ доходитъ до этой истины чутьемъ, совѣстью. «Мы вѣдь не дурной народъ»,—оправдываются солдаты послѣ рѣзни:—«мы только несчастные, жалкіе, глупые, слишкомъ глупые». А тѣ мысли, которыя тревожатъ ихъ совѣсть и которыя мозгъ ихъ не въ состояніи ни додумать до конца, ни даже формулировать съ ясностью,—авторъ высказываетъ въ заключительной главѣ романа.

Эта глава—символическая картина, потрясающая по реализму письма. Отрядъ выходитъ холоднымъ вечеромъ подъ сильнымъ дождемъ на рытье окоповъ. Идутъ долго, десятки километровъ въ траншеяхъ, въ густой грязи подъ ногами, между тѣсныхъ сырыхъ стѣнъ. Несмотря на точность и отчетливость распоряженій, регулирующихъ эти передвиженія, какъ желѣзно-дорожные поѣзда, все-же случаются ошибки, закупорки и т. п. Такъ и тутъ, люди попадаютъ не туда, куда шли, возвращаются, и снова уходятъ въ потоки нечистоты, и все идти, идти. Наступаетъ ночь, ливень не прекращается. Неприятель открылъ ихъ передвиженія и осыпаетъ ихъ огненнымъ дождемъ. Они ищутъ прикрытія и чуть было не тонутъ въ залитомъ водою окопѣ. Вода затопила все пространство между противниками. Множество людей погибло и отъ огня снарядами, захлебнулось въ жидкой грязи. Замолкли наконецъ орудія. Сѣрый, холодный разсвѣтъ. Зловѣщее молчаніе, тина, топь. Всюду тѣла: трупы и люди, спящие какъ убитые. Все покрыла грязь такимъ сплошнымъ густымъ слоемъ, что своего не отличишь отъ врага, живого отъ мертваго. Все—части, тѣла, платье, вещи—потеряло и форму и цвѣтъ. Все неподвижно: люди лежатъ въ облипающей ихъ холодной сырости, изнеможенные неопикуемой, нечеловѣческой усталостью. По-немногу они начинаютъ приходить въ себя и пробуютъ одѣть словомъ только что пережитое. Авторъ дополняетъ и коммен-

тирует их отдельные фразы, восклицания, проклятия и пожелания. Онъ даетъ такимъ образомъ конечные выводы своихъ наблюдений. Вотъ къ чему они сводятся.

Какъ грязь облѣпила до неузнаваемости рядового солдата, такъ и весь народъ покрытъ такимъ же слоемъ предрасудковъ, вѣвшихъ въ его природу въ силу его безсознательности, невѣжественности и социального неравенства. И какъ страдания пережитой ночи открываютъ нѣкоторые просвѣты въ сознании измученныхъ людей, такъ и мировая война должна привести къ прогрессу, должна поднять къ свѣту народныя массы. Эту войну надо принять со всеми ея ужасами и неисчислимыми бѣдствіями и надо побѣдить не только Германию, но самый духъ войны, милитаризмъ, отъ кого бы онъ ни исходилъ. Народъ начинаетъ это понимать. Когда народы вполне уяснятъ это себѣ, сговорятся и согласятся между собою, помимо ихъ теперешнихъ хозяевъ, тогда войны прекратятся... Для этого, для полного торжества демократіи долженъ быть проведенъ въ жизнь принципъ равенства. Въ немъ, въ той правдѣ и справедливости, которую онъ несетъ въ себѣ, авторъ видитъ разрѣшеніе всѣхъ конфликтовъ, основное начало общаго блага. Но какъ милитаризмъ имѣетъ своихъ защитниковъ, такъ и великій принципъ своихъ противниковъ. Эти—главнымъ образомъ—предрасудки, порожденные гипнозомъ военной славы, престижемъ мундира, тою ложью, которая прикрываетъ собою насилие, расовую ненависть и т. п. Предрасудки поддерживаются и близорукостью, свойственною человѣческому роду. Ее проявляютъ особенно тѣ теоретики, философы и публицисты, которые за мелкими и второстепенными подробностями не умѣютъ видѣть самаго существеннаго и главнаго. Можно сомнѣваться, чтобы въ мозгахъ тѣхъ рядовыхъ, съ которыми насъ знаютъ такъ близко Барбюссъ, могли возникнуть эти мысли. Это надо оставить на его ответственности художника-живописца. А еще болѣе можно сомнѣваться въ теоретическихъ выводахъ изъ написанной имъ картины. И едва-ли можно принять его упрощенныя вѣрованія въ прогрессъ, общее благо и въ принципъ общественнаго равенства, насаждающаго справедливость и правду на землѣ. Съ какой бы высоты мы ни смотрѣли на жизнь, сторонясь близорукаго углубленія въ детали ея, исторически сложившаяся судьба человѣчества настолько сложна и сплетена изъ такихъ противорѣчій, что упрощенными формулами ее не опредѣлить. Не найдено еще то слово, которое открыло бы смыслъ всѣхъ мировыхъ загадокъ, уяснило историческіе пути отдѣльныхъ націй, разрѣшило всѣ социальные конфликты и удовлетворило всѣ духовныя запросы человѣка.—Впрочемъ, въ этомъ романѣ, посвященномъ войнѣ, читателю важны не тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ. Не они руководили его наблюдательностью и не они создали его яркую и, чувствуется, глубоко-правдивую картину. Въ этой картинѣ столько любви и вниманія къ душѣ рядового человѣка, такое разнообразное и зачастую новое освѣщеніе ея проявленій, что книга даетъ богатую пищу уму и чувству читателя. Слово изображенія,—а не теоретическими построениями,—художникъ будитъ нашу совѣсть и заставляетъ опять и опять возвращаться къ наиболѣе важнымъ и неизбывнымъ вопросамъ порождаемымъ мировымъ бѣдствіемъ.

А. Андреева.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАРОДОПРАВСТВО“.

Въ первыхъ номерахъ напечатаны статьи и очерки, слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Доратовской, А. А. Ефдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зыньковский, Вячеслава Иванова, Н. М. Юрданскаго, прив.-доц. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондугушкина, Е. Коровина, Бориса Кремнева, В. Муравьева, В. В. Островскаго, А. Пойминова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Гресса, проф. А. А. Рождественскаго, пр.-доц. А. Саккети, проф. М. Н. Соболева, свящ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, проф. В. М. Устинова, прап. Ушякова, проф. М. И. Фридмана, пр.-доц. Н. Н. Фолетова, Гергія Чулкова и др.

Адресъ конторы: Москва Б. Дмитровка, 13, кв. 18, Тел. 2-39-96

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедельный общественно-политическій журналъ

ВѢСТНИКЪ ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

Журналъ издается подъ непосредственнымъ наблюдениемъ Центральнаго Комитета партіи, при участіи: М. С. Аджемова, Н. И. Астрова, А. В. Васильева, В. И. Вернадскаго, Г. В. Вернадскаго, В. М. Гессена, Д. Д. Гримма, П. П. Гронскаго, кн. П. Д. Долгорукова, А. С. Изгоева, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтера, Ф. Ф. Кюкошкина, А. А. Курнилова, Н. О. Лосскаго, В. А. Маклакова, А. А. Мануилова, П. Н. Милокова, Н. В. Некрасова, В. Д. Набокова, кн. В. А. Оболенскаго, С. Ф. Ольденбурга, И. И. Петрункевича, М. Д. Приселкова, Д. Д. Протопопова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, А. Н. Рутцена, К. Н. Соколова, Н. В. Тесленко, А. В. Тырковой, Н. Н. Черненкова, К. К. Черношвигова, кн. Д. И. Шаховскаго, А. И. Шнигарева и др.

Редакторъ М. М. Вчнаверъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой до конца года—6 р.
Розничная цѣна 25 коп.
Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Французская набережная, д. 8, кв. 5.